

Некрополитика

Ашиль Мбембе — доктор (Ph.D) исторических наук, доктор (D.E.A.) политических наук, научный сотрудник, Институт социальных и экономических исследований Университета Витватерсранда; Йоханнесбург, Южно-Африканская республика; e-mail: Achille.Mbembe@wits.ac.za

Перевод с англ.¹: Алексей Антипов — кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии РАН; Москва, Россия; e-mail: nelson02@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7048-3373

Редактор: Михаил Журавлев — аспирант философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Научный редактор (консультант): Кыласов Алексей Валерьевич — доктор культурологии, профессор, РЭУ имени Г. В. Плеханова; Москва, Россия; e-mail: kylasov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5350-6214

Ключевые слова: биовласть, некрополитика, война, суверенитет

В данном эссе камерунский исследователь Ашиль Мбембе, опираясь на концепцию суверенной власти Мишеля Фуко, рассуждения Джорджо Агамбена о *homo sacer* и деколониальный подход Франца Фанона, помещает понятие биовласти в пространство постколонии и демонстрирует его недостаточность для понимания современных форм подчинения жизни власти смерти. Мбембе вводит понятие некрополитики, или некровласти, для объяснения различных способов, посредством которых оружие используется в современном мире для создания «миров смерти». Он утверждает, что колония в целом и плантации рабов в частности породили те некрополитические практики, которые сохраняют свою актуальность и сегодня. Мбембе описывает постколониальный локус как место, где диффузная и не всегда исключительно государственная власть вписывает «экономику смерти» в отношения управления и производства, и утверждает,

¹ Перевод выполнен по изданию: Mbembé J.-A. Necropolitics / J.-A. Mbembé // Public Culture. – 2003. – Vol. 15(1). – P. 11-40. Публикуется с любезного разрешения автора.

что если в колониальную эпоху насилие являлось исключительно средством достижения прибыли, то в пространстве постколонии оно становится самоцелью².

Wa syo' lukasa rebwe
Umwime wa pita
[Он оставил свой след на камне и продолжил свой путь]
Пословица ламба, Замбия

ВЫСШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА в значительной степени заключается во власти предписывать, кому жить, а кому умереть³. Убивать или оставлять в живых — вот пределы суверенитета, его главные атрибуты. Быть суверенным — значит осуществлять контроль над смертностью и определять жизнь через развертывание и манифестацию власти.

Вот что Мишель Фуко подразумевал под *биовластью*: это область жизни, над которой власть установила свой контроль⁴. Но в каких практических условиях осуществляется право убивать, оставлять в живых или обрекать на смерть? Кто является субъектом этого права? Что осуществление подобного права говорит нам о человеке, которого таким образом предают смерти, и об отношениях вражды, которые ставят этого человека лицом к лицу с его убийцей? Достаточно

² Прим. Ашиля Мбембе: «Это эссе является результатом длительных бесед с Арджуной Аппадурай, Кэрл Бреккенридж и Франсуазой Верже. Отдельные фрагменты были представлены на семинарах в Эванстоне, Чикаго, Нью-Йорке, Нью-Хейвене и Йоханнесбурге. Полезные критические замечания предоставили Пол Гилрой, Дилип Парамешвар Гаонкар, Бет Повинелли, Бен Ли, Чарльз Тейлор, Крофорд Янг, Абдумалик Симон, Люк Синджун, Сулейман Башир Диань, Карлос Формент, Ато Куэйсон, Ульрике Кистнер, Дэвид Тео Голдберг и Дебора Посел. Рехана Эбр-Валли и Сара Наттолл предложили дополнительные идеи и комментарии, а также оказали критическую поддержку. Эссе посвящается моему покойному другу Чикале Кайембе Бийе».

³ В этом эссе мы отходим от традиционных представлений о суверенитете, характерных для политологии и исследований в области международных отношений. Это представления, как правило, подразумевают, что мы рассматриваем суверенитет в границах национальных государств, институтов, обладающих государственной властью, или наднациональных институтов и сетей (Jackson R. Introduction: Sovereignty at the Millennium / R. Jackson // Political Studies. – 1999. – Vol. 47 – No 3. – P. 423–430). Мой собственный подход опирается на критику Мишелем Фуко понятия суверенитета и его связи с войной и био властью в цикле лекций «Нужно защищать общество» (Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 81–100, 101–129, 156–181, 253–278). См. также: Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – С. 22–89.

⁴ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 81–100, 101–129, 156–181, 253–278.

ли понятия биовласти, чтобы объяснить современные способы, с помощью которых политика — в обличье войны, сопротивления или борьбы с террором — делает своей главной и абсолютной целью уничтожение врага? В конце концов, война есть в равной степени и средство достижения суверенитета, и способ осуществления права на убийство. Представляя себе политику как форму войны, мы обязаны также спросить: какое место отводится жизни, смерти и человеческому телу (в частности, раненому или умерщвленному)? И как они вписаны в порядок власти?

Политика, работа смерти и «становление субъекта»

Чтобы ответить на эти вопросы, в данном эссе мы будем опираться на понятие биовласти и исследуем его связь с понятиями суверенитета (*imperium*) и чрезвычайного положения⁵. Я хотел бы кратко рассмотреть ряд эмпирических и философских вопросов, возникающих в этом контексте. Как известно, понятие чрезвычайного положения часто обсуждается в связи с нацизмом, тоталитаризмом и концентрационными лагерями, и лагерями смерти. В частности, лагеря смерти интерпретируются — в различных вариациях — как ключевая метафора суверенного и разрушительного насилия и как высший знак абсолютной власти негативного. По словам Ханны Арендт, «аналогии жизни в концентрационных лагерях не существует. Ужас этой жизни не может вместить никакое воображение именно потому, что она пребывает вне жизни и смерти»⁶. Поскольку его обитатели лишены политического статуса и сведены к голой жизни, лагерь, по мнению Джорджо Агамбена, является «местом, в котором были реализованы самые абсолютные *conditio inhumana*, когда-либо существовавшие на Земле»⁷. Он добавляет, что в политико-правовой структуре лагеря чрезвычайное положение перестает быть временной приостановкой нормального правового состояния. Согласно Агамбену, оно приобретает

⁵ Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2005. – С. 229–243, 249–250, 254–256, 268–269; Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / К. Шмитт. – М.: Праксис, 2007. – 301 с. – ISBN 978-5-901574-66-9.

⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – С. 499.

⁷ Агамбен Дж. Средства без цели: Заметки о политике / Дж. Агамбен. – М.: Гилея, 2015. – С. 43.

пространственную организацию, которая постоянно остается за пределами правового поля.

В задачи данного эссе не входит обсуждение вопроса об уникальности события истребления евреев или использование его в качестве примера⁸. Я исхожу из того, что модерн порождает множество понятий суверенитета, а значит, и понятий биополитического. Увы, политическая критика позднего модерна упустила эту множественность из вида, отдавая предпочтение нормативным теориям демократии и выдвигая на первый план понятие разума (для осмысления как проекта модерна, так и топоса суверенитета)⁹. С этой точки зрения высшим проявлением суверенитета является создание обществом (демосом), то есть свободными и равными мужчинами и женщинами, общих норм. Эти мужчины и женщины позиционируются как полноправные субъекты, способные к самопониманию, самосознанию и самопредставлению. Политика, таким образом, получает двойственное определение: как проект автономии и как достижение коллективного согласия посредством коммуникации и признания. Именно это, нам говорят, отличает ее от войны¹⁰.

Иными словами, именно на основании различия разума и неразумия (страсти, фантазии) критика позднего модерна смогла сформулировать определенное представление о политическом сообществе, субъекте, а также, что более важно, о достойной жизни, о том, как ее достичь и как при этом действовать морально. В рамках этой парадигмы разум — это истина субъекта, а политика — это осуществление разума в публичной сфере. Быть разумным — значит быть свободным, а свобода является ключевым элементом индивидуальной автономии. В таком случае романтика суверенитета опирается на убеждение, что субъект является автором и господином своих смыслов. Суверенитет, таким образом, определяется как двуединый процесс *самоучреждения* и *самоограничения* (закрепления собственных границ). Осуществление суверенитета, в свою очередь, состоит в способности общества

⁸ См.: Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution» / S. Friedlander (ed.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 414 p. – ISBN 978-0674707665; Ogilvie B. Comparer l'incomparable / B. Ogilvie // Multitudes. – 2001. – Vol. 7. – P. 130–166.

⁹ См.: Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / J. Bohman, W. Rehg (eds.). – Cambridge, MA: mit Press, 1997. – 477 p. – ISBN 978-0262522410; Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge, MA: mit Press, 1996. – 676 p. – ISBN 978-0262581622.

¹⁰ What Is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions / J. Schmidt. (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1996. – 563 p. – ISBN 978-0520202269.

к самосозиданию с использованием институтов, которым приписываются специфические социальные и воображаемые значения¹¹.

Такому строго нормативному прочтению политики суверенитета уже было адресовано множество критических замечаний, поэтому мы не будем останавливаться на них¹². Нас интересуют лишь те формы суверенитета, центральным проектом которых является не борьба за автономию, а *всеобщая инструментализация человеческого существования и материальное уничтожение человеческих тел и населения*. Не стоит видеть в этом свидетельство запредельного безумия или выражение разрыва между импульсами и интересами тела и импульсами и интересами разума. В действительности, подобно лагерям смерти, такая суверенность представляет собой номос политического пространства, в котором мы продолжаем жить и сегодня. Более того, современные примеры уничтожения людей позволяют выработать прочтение политики, суверенитета и субъектности, отличное от того, которое завещал нам философский дискурс модерна. Вместо того чтобы воспринимать разум как истину субъекта, мы можем обратиться к другим основополагающим категориям, менее абстрактным и более осязаемым, таким как жизнь и смерть.

В этом контексте большое значение имеет гегелевская трактовка отношения между смертью и «становлением субъекта». В центре рассуждений Гегеля о смерти лежит двухчастная концепция негативности. Во-первых, человек отрицает природу (отрицание, которое экстериоризируется в стремлении человека свести природу к его собственным потребностям); во-вторых, он преобразует отрицаемый элемент через труд и борьбу. Преобразуя природу, человек создает мир, но при этом он также подвергается воздействию собственной негативности. В гегелевской парадигме смерть человека по сути своей добровольна. Она — следствие рисков, на которые сознательно идет человеческий субъект, чтобы одержать победу над «животным», которое составляет его природное бытие.

Иными словами, в борьбе и в труде, посредством которых человек противостоит смерти (понимаемой как насилие негативности), он по-настоящему *становится субъектом*, то есть отделяется от животного. Именно через это противостояние со смертью человек вовлекается

¹¹ Касториадис К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М.: Гнозис, Логос, 2003. – 480 с. – ISBN 5-8163-0047-4; Castoriadis C. Figures of The Thinkable / C. Castoriadis. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 303 p. – ISBN 978-0804756181.

¹² См. ч. 2 в работе: Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 280 p. – ISBN 978-0674076068.

в непрерывное движение истории. Становление субъектом, таким образом, предполагает поддержание работы смерти. «Поддерживать работу смерти» — именно так Гегель определяет жизнь Духа. Жизнь духа, говорит он, это не та жизнь, которая боится смерти и стремится сберечь себя от разрушения; это жизнь, которая принимает смерть и живет с ней. Дух достигает своей истины, лишь обнаруживая себя в абсолютном расчленении¹³. Таким образом, политика — это смерть, которая живет человеческой жизнью. В этом же состоит определение абсолютного знания и суверенитета: ставить на кон свою жизнь.

Жорж Батай также предлагает критический взгляд на то, как смерть структурирует понятия суверенитета, политического и субъекта. Батай вносит в гегелевскую концепцию отношений между смертью, суверенитетом и субъектом по меньшей мере три изменения. Во-первых, он интерпретирует смерть и суверенитет как пароксизм обмена и чрезмерного изобилия — или, используя его собственную терминологию, избытка. Для Батая всплески и обмены со смертью составляют саму жизнь, которая становится ущербной лишь тогда, когда оказывается у смерти в заложниках¹⁴. Он утверждает, что смерть — это гниение жизни, зловоние, которое является одновременно источником и отвратительным условием жизни. Поэтому, хотя смерть разрушает существующее, стирает его следы и сводит на нет индивида, который ее принимает, ее нельзя приравнять к чистому уничтожению бытия. Напротив, она по существу является самосознанием; более того, это самая расточительная форма жизни, которая сама есть излишние и изобилие — сила пролиферации. Если для Гегеля смерть, в которой ничто не утрачивается окончательно, понимается путь к истине, то Батай радикально вычеркивает ее из горизонта смысла.

Во-вторых, Батай прочно закрепляет смерть в сфере *абсолютной траты* (другая характеристика суверенитета), тогда как Гегель пытается удержать ее внутри экономии абсолютного знания и смысла.

¹³ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Наука, 2000. — 495 с. — ISBN 5-02-008380-1. См. также: Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / А. Кожев. — М.: Наука, 2013. — 791 с. — ISBN 978-5-02-026350-5. В особенности приложение II «Идея смерти в философии Гегеля»; Bataille G. Oeuvres complètes XII / G. Bataille. — Paris: Gallimard, 1988 (Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение / Ж. Батай // Танатография эроса / С. Л. Фокин (состав.). — СПб.: МИФРИЛ, 1994. — 346 с. — ISBN 5-864574-008-7), в особенности «Hegel, la mort et le sacrifice», «Hegel, l'homme et l'histoire».

¹⁴ См: Baudrillard J. Death in Bataille / J. Baudrillard // Bataille: A Critical Reader / F. Botting, S. Wilson. (eds.). — Oxford: Blackwell, 1998. — P. 139–141.

Жизнь за пределами полезности, говорит Батай, — это область суверенитета. Таким образом, смерть — это точка, в которой разрушение, подавление и жертва представляют собой настолько необратимую и радикальную трату — трату без остатка, что они больше не могут определяться в качестве негативности. Смерть — это сам принцип избыточности, *антиэкономия*. Отсюда метафора роскоши, *предельная роскошь смерти*.

В-третьих, Батай устанавливает корреляцию между смертью, суверенитетом и сексуальностью. Сексуальность для него неразрывно связана с насилием, с растворением границ тела и «Я» посредством оргиастических и экскрементальных импульсов. Как таковая сексуальность касается двух главных полярных форм человеческих импульсов — экскреции и апроприации, а также режима их табуирования¹⁵. Истина секса и его связь со смертью заключены в опыте утраты границ, разделяющих реальность, события и объекты фантазии.

Для Батая, таким образом, суверенитет принимает различные формы. Но в конечном счете он выражается прежде всего в отказе принять границы, которые навязываются субъекту страхом смерти. Суверенный мир, утверждает Батай, «это мир, в котором предел смерти упразднен. Смерть присутствует в нем, ее присутствие определяет этот мир как мир насилия, однако смерть присутствует только вместе со своим отрицанием. Суверен, — заключает он, — это тот, кто существует так, как если бы смерти не было... Он не больше заботится о границах идентичности, чем о границах смерти — в действительности, это одни и те же границы; он — трансгрессия всех этих границ». Поскольку естественная область запретов включает в себя смерть (наряду с сексуальностью, нечистотами, экскрементами), суверенитет требует «силы нарушить запрет на убийство, пусть и на условиях, которые определяются обычаями». В противовес подчинению, которое всегда коренится в предполагаемой необходимости избегать смерти, суверенность неразрывно связана с риском смерти¹⁶.

¹⁵ Bataille G. Visions of Excess: Selected Writings 1927–1939 / G. Bataille. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. – P. 94–95.

¹⁶ The Bataille Reader / F. Botting and S. Wilson. (ed.). – Oxford: Blackwell, 1998. – P. 318–319. См. также: Bataille G. The Accursed Share: An Essay on General Economy. Vol. 1. Consumption / G. Bataille. – New York: Zone, 1988. – 200 p. – ISBN 978-0942299113. (Батай Ж. Проклятая часть / Ж. Батай. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с. – ISBN 5-86218-466-X); Bataille G. Erotism: Death and Sensuality / G. Bataille. – San Francisco: City Lights, 1986. – 280 p. – ISBN 978-0872861909.

Трактуя суверенитет как нарушение запретов, Батай вновь открывает вопрос о границах политического. Здесь политика уже не является поступательным движением диалектического разума. Теперь она представляет собой спиральную трансгрессию, различие, которое вносит путаницу в саму идею границы. Точнее, политика — это различие, которое вводится в игру нарушением табу¹⁷.

Биовласть и отношения вражды

Представив прочтение, в котором политика оказывается тождественна работе смерти, мы переходим к суверенитету, который определяется главным образом как право на убийство. В целях аргументации мы связываем понятие биовласти Фуко с двумя другими: понятием чрезвычайного положения и понятием осадного положения¹⁸. Мы исследуем, каким образом чрезвычайное положение и отношения вражды стали нормативной основой права на убийство. В этих случаях власть (не обязательно государственная) постоянно апеллирует к исключению, чрезвычайному положению и сфабрикованному образу врага. Более того, она сама прилагает усилия, чтобы производить исключения, чрезвычайные положения и фиктивных врагов. Таким образом, вопрос заключается в следующем: каковы отношения между политикой и смертью в тех системах, которые могут функционировать только в условиях чрезвычайного положения?

По мнению Фуко, функцией биовласти является разделение людей на тех, кто должен жить, и тех, кто должен умереть. Соответственно, такая власть определяет себя по отношению к биологическому полю, в котором она размещается и которое она берет под контроль. Этот контроль предполагает распределение человеческих видов на группы, разделение населения на подгруппы и установление между ними биологической цензуры. Фуко говорит об этом, используя, казалось бы, такой привычный термин, как «расизм»¹⁹.

¹⁷ Bataille G. The Accursed Share. Vol. 2. The History of Eroticism and Sovereignty / G. Bataille. — New York: Zone Books, 1992. — 460 p. — ISBN 978-0942299205. (Батай Ж. Проклятая часть / Ж. Батай. — М.: Ладомир, 2006. — 742 с. — ISBN 5-86218-466-X).

¹⁸ По поводу осадного положения см.: Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. — СПб.: Наука, 2005. — 326 с. ISBN 5-02-026895-X.

¹⁹ См.: Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — С. 77–79, 81–100.

Несложно понять, почему *раса* (а также *расизм*) занимает столь видное место в расчетах биовласти. В конце концов, раса — в большей степени, чем классовое мышление (идеология, определяющая историю как экономическую борьбу между классами) — всегда была тенью, нависшей над западной политической мыслью и практикой, особенно когда речь шла о том, чтобы дегуманизировать другие народы и властвовать над ними. Ссылаясь как на это постоянное присутствие, так и на фантомный мир расы в целом, Арендт обнаруживает его корни в сокрушительном опыте инаковости и предполагает, что расовая политика в конечном счете связана с политикой смерти. Действительно, по выражению Фуко, расизм — это прежде всего технология, позволяющая придать легитимность отравлению биовласти, этому «старому праву суверена на убийство». В экономике биовласти функция расизма состоит в том, чтобы регулировать распределение смерти и делать возможными функции государства, связанные с убийством людей. Это, утверждает Фуко, «условие приемлемости умерщвления»²⁰.

Фуко недвусмысленно утверждает, что суверенное право убивать («право меча») и механизмы биовласти являются частью функционирования всех современных государств²¹; более того, их можно рассматривать как конституирующие элементы современной государственной власти в целом. По мнению Фуко, нацистская Германия представляла собой наиболее полное воплощение государства, отправляющего право на убийство, поскольку там это право проникло во все области, связанные с управлением, защитой и культивацией жизни. Трагедия тому политической вражды в терминах биологии, организуя военные действия и направляя огонь войны как на своих противников, так и на собственных граждан, нацистское государство открыло путь для ужасающего разрастания права на убийство, кульминацией которого стал проект «окончательного решения». Таким образом, нацистская Германия стала архетипом формы власти, сочетающей в себе черты расистского государства, государства-убийцы и государства-самоубийцы.

Утверждалось, что уникальность нацистского государства заключается в том, что оно смешивает войну и политику — а также расизм, убийство и самоубийство — до такой степени, что они становятся

²⁰ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 270.

²¹ Там же. С. 253–259.

неразличимыми. Мы полагаем, что восприятие самого существования Другого как покушения на мою жизнь, как смертельной угрозы или абсолютной опасности, физическое устранение которой укрепит мой собственный жизненный потенциал и безопасность, становится неотъемлемой частью образов суверенитета как в раннем, так и в позднем модерне. Признание этого факта задает вектор для большинства традиционных подходов к критике модерна (будь то критика нигилизма и провозглашения воли к власти сущностью бытия; критика реификации, понимаемой как *становление-объектом* человека; или же критика господства обезличенной логики, подчиняющей все расчету и инструментальной рациональности)²². Действительно, с антропологической точки зрения эта критика имплицитно оспаривает определение политических отношений как военных отношений *par excellence*. Кроме того, они оспаривают идею о том, что калькуляция жизни с необходимостью подразумевает смерть Другого, а суверенность заключается в воле и способности убивать для того чтобы жить.

Рассматривая вопрос в исторической перспективе, многие исследователи утверждают, что материальные предпосылки нацистской политики истребления кроются, с одной стороны, в колониальном империализме, а с другой — в переходе к серийному производству технических средств для умерщвления людей — механизмов, разработанных в период между промышленной революцией и Первой мировой войной. По мнению Энцо Траверсо, газовые камеры и печи стали кульминацией длительного процесса дегуманизации и индустриализации смерти, одной из первоначальных черт которого было объединение инструментальной рациональности с производственной и административной рациональностью современного западного мира (фабрика, бюрократия, тюрьма, армия). Став механизированной, серийная казнь превратилась в чисто техническую, безличную, бесшумную и быструю процедуру. Отчасти этому способствовали расистские стереотипы и расцвет классового расизма, который, переводя социальные конфликты индустриального мира в расовые термины, в итоге уравнивал рабочие классы и «людей без гражданства» индустриального мира с «дикарями» колониального мира²³.

²² См. ч. 3, 5 и 6 в книге: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — 416 с. — ISBN 5-7777-0263-5.

²³ Traverso E. La violence nazie: Une généalogie européenne / E. Traverso. — Paris: La Fabrique Editions, 2002. — 190 p. — ISBN 9782913372146.

В действительности связь между модерном и террором имеет множество истоков. Некоторые из них можно найти в политических практиках старого режима. С этой точки зрения важнейшее значение имеет напряжение между страстью общества к крови и понятиями справедливости и мести. В книге «Надзирать и наказывать» Фуко описывает сцену казни Дамьена, известного неудачным покушением на короля, которая к большому удовольствию толпы длилась несколько часов: длинная уличная процессия перед казнью, парад частей тела (ритуал, ставший стандартной чертой народного насилия), наконец, демонстрация отрубленной головы, насаженной на пику²⁴. Во Франции появление гильотины знаменует собой новый этап «демократизации» средств избавления от врагов государства. Действительно, эта форма казни, которая раньше была прерогативой дворянства, распространяется на всех граждан. В самом деле, обезглавливание считалось менее унижительным, чем повешение, однако инновации в технологиях казни были направлены не только на развитие более «цивилизованных» способов убийства, но и на избавление от большого количества жертв за относительно короткий промежуток времени. В то же время возникает новая культурная чувствительность, в которой убийство врага государства становится продолжением спектакля. Появляются более интимные, зловещие и досужие формы жестокости.

Но никогда смешение разума и террора не было столь явным, как во время Французской революции²⁵. Во время Французской революции террор воспринимался как почти необходимая часть политики. Утверждалось, что отношения между государством и народом должны быть абсолютно прозрачны. Как политическая категория «народ» постепенно превратился из конкретной реальности в риторическую фигуру. Как показал Дэвид Бейтс, теоретики террора считали возможным проводить различие между подлинными проявлениями суверенитета и действиями врага, а также между «ошибкой» гражданина и политическим «преступлением» контрреволюционера. Таким образом, террор стал способом отслеживания изъяны в политическом теле, а политика стала рассматриваться одновременно как подвижная сила разума и как попытка создать

²⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с. – ISBN 5-93321-010-2.

²⁵ См.: Wokler R. Contextualizing Hegel's Phenomenology of the French Revolution and the Terror / R. Wokler // Political Theory. – 1998. – Vol. 26. – P. 33–55.

пространство, где «ошибка» будет устранена, истина — достигнута, а враг — уничтожен²⁶.

Наконец, террор связан не только с утопической верой в неограниченную силу человеческого разума. Он также явным образом связан с различными нарративами о господстве и освобождении, большинство из которых опирается на характерные для эпохи Просвещения представления об истине и заблуждении, «реальном» и символическом. Маркс, например, сплавляет труд (бесконечный цикл производства и потребления, необходимый для поддержания человеческой жизни) с работой (созданием долговечных артефактов, пополняющих мир вещей). Труд рассматривается как средство исторического самосозидания человечества, причем это самосозидание само является витальным конфликтом, где на карту поставлен выбор пути, ведущего к истине истории — преодолению капитализма, товарной формы и связанных с ними противоречий. Согласно Марксу, с наступлением коммунизма и отменой отношений обмена вещи предстанут такими, какими они реально являются; «реальное» покажет себя таким, каково оно есть на самом деле, а различия между субъектом и объектом, бытием и сознанием будут преодолены²⁷. Однако, когда Маркс ставит освобождение человека в зависимость от упразднения товарного производства, он размывает важнейшую границу между созданной человеком сферой свободы, детерминированной природой сферой необходимости и областью того, что является исторически контингентным.

Приверженность отмене товарного производства и мечта о непосредственном доступе к «реальному» почти неизбежно придают насильственный характер процессам завершения так называемой логики истории и создания человечества. Как показал Стивен Лув, основные постулаты классического марксизма не оставляют иного выбора, кроме как «пытаться ввести коммунизм административным путем, что на практике означает, что социальные отношения должны быть декоммодифицированы насильственно»²⁸. Исторически эти

²⁶ См. гл. 6 в книге: David W. Bates, *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France* / W. David. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. — 280 p. — ISBN 978-0801439452.

²⁷ Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy* / K. Marx. — London: Lawrence and Wishart, 1984. 3:817. См. также: Marx K. *Capital* / K. Marx. — Harmondsworth, UK: Penguin, 1986. 1:172 (Маркс К. Капитал: критика политической экономии / К. Маркс. — М.: Эксмо, 2011. — 1195 с. — ISBN 978-5-699-23766-1).

²⁸ Louw S. *In the Shadow of the Pharaohs: The Militarization of Labour Debate and Classical Marxist Theory* / S. Louw // *Economy and Society*. — 2000. — Vol. 29. — P. 240.

попытки принимали такие формы, как милитаризация труда, разрушение различий между государством и обществом и революционный террор²⁹. Можно утверждать, что они были направлены на искоренение множественности (*plurality*), которая является базовым человеческим состоянием. Действительно, преодоление классового разделения, устранение государства, расцвет подлинно всеобщей воли — все это предполагает взгляд на человеческую множественность как на главное препятствие на пути к реализации predetermined телоса истории. Иными словами, субъект марксистской модерности — это, в сущности, субъект, который намерен доказать свою суверенность в смертельной схватке. Как и у Гегеля, нарратив о господстве и освобождении здесь явным образом связан с нарративом об истине и смерти. Террор и убийство становятся средством реализации заранее известного телоса истории.

Любой исторический подход к вопросу о возникновении современного террора должен включать в себя рассмотрение рабства, которое можно считать одним из первых биополитических экспериментов. Во многих отношениях сама структура системы плантаций и ее последствия воплощают эмблематичную и парадоксальную фигуру чрезвычайного положения³⁰. Эта фигура парадоксальна по двум причинам. Во-первых, в контексте плантации человечность раба представляет собой идеальный образ тени. В самом деле, состояние рабства является результатом тройной утраты: утраты «дома», утраты прав на свое тело и утраты политического статуса. Эта тройная утрата тождественна абсолютному господству, «отчуждению по рождению» и социальной смерти (изгнанию из человеческого рода в целом). Несомненно, как политико-правовая структура плантация — это пространство, где

²⁹ О милитаризации труда и переходе к коммунизму см.: Бухарин Н. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса / Бухарин Н. — М.: 1920. — 160 с.; Троцкий Л. Терроризм и коммунизм / Л. Троцкий. — М.: Директ-Медиа, 2015. — 411 с. — ISBN 978-5-4475-5619-8; о крахе различия между государством и обществом см.: Marx K. The Civil War in France / K. Marx. — Moscow: Progress, 1972. — 90 p.; Lenin V. Selected Works in 3 Vol. Vol. 2 / V. Lenin. — Moscow: Progress, 1977. — 858 p.; о критике «революционного террора» см.: Merleau-Ponty M. Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem / M. Merleau-Ponty. — Boston: Beacon, 1969. — 240 p. — ISBN 978-0807002773; а также см.: Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995 / S. J. Stern (ed.). — Durham, NC: Duke University Press, 1998. — 552 p. — ISBN 978-0822322177.

³⁰ См.: Hartman S. V. Scenes of Subjection: Terror, Slavery, and Self-Making in Nineteenth Century America / S. V. Hartman. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — 296 p. — ISBN 978-0195089844; Friginals M. M. The Sugarmill: The Socioeconomic Complex of Sugar in Cuba, 1760–1860 / M. M. Friginals. — New York: Monthly Review Press, 1976. — 184 p. — ISBN 978-0853453192.

раб принадлежит хозяину. Это не сообщество хотя бы потому, что общество по определению подразумевает осуществление власти слова и мысли. Как говорит Пол Гилрой, «экстремальные модели коммуникации, определяемые институтом плантационного рабства, требуют, чтобы мы признали антидискурсивные и экстралингвистические последствия власти в формировании коммуникативных актов. В конце концов, на плантации не может быть взаимности, она возможна только в условиях бунта и самоубийства, бегства и молчаливого траура, и уж точно там не возникает грамматического единства речи, которое опосредует коммуникацию. Во многих отношениях обитатели плантаций живут не синхронно»³¹. Труд раба нужен и используется. Такова причина, по которой он остается в живых, прибывая в то же время в состоянии травмы, в призрачном мире ужасов, предельной жестокости и унижений. Жизнь раба полна насилия: надсмотрщики склонны к жестокому и несдержанному поведению, а боль, причиняемая телу раба, становится зрелищем³². Насилие — например, порка или лишение раба жизни — здесь становится элементом «манер» — это одновременно прихоть и деструкция в чистом виде ради наведения ужаса³³. Жизнь раба во многих отношениях является формой смерти-при-жизни. Сьюзен Бак-Морсс считает, что рабское состояние порождает противоречие между свободой собственности и свободой личности. Неравные отношения устанавливаются вместе с неравенством власти над жизнью. Эта власть над жизнью другого принимает форму торговли: человечность растворяется до такой степени, что становится возможно сказать, что жизнью раба владеет хозяин³⁴. Поскольку жизнь раба

³¹ Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness* / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – P. 57.

³² См.: Douglass F. *Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave* / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – 158 p.

³³ Термин «манеры» используется здесь для обозначения связи между социальными нормами и правилами поведения (*social grace*) и социальным контролем. Согласно Норберту Элиасу, манеры воплощают в себе то, что «считается социально приемлемым поведением», «предписания по поведению» и рамки «общительности», см. ч. 2 в кн.: Elias N. *The History of Manners. Vol. 1. The Civilizing Process* / N. Elias. – New York: Pantheon, 1978. – 558 p. – ISBN 0631192212; Douglass F. *Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave* / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – P. 51. О беспорядочном убийстве рабов см. стр. 67–68: «Чем громче она кричала, тем сильнее он бил; и где кровь текла быстрее, там он бил дольше всего», – говорит Дуглас в своем рассказе о порке своей тети мистером Пламмером. «Он хлестал ее, чтобы она кричала, и хлестал, чтобы она затихла; и только когда усталость одолевала его, он переставал размахивать окровавленной коровьей шкурой..... Это было ужасное зрелище».

³⁴ Buck-Morss S. *Hegel and Haiti* / S. Buck-Morss // *Critical Inquiry*. – 2000. – Vol. 26. – P. 821–866.

подобна «вещи», которой владеет другой человек, его существование предстает как идеальный образ тени.

Несмотря на этот ужас и символическую изоляцию, раб сохраняет возможность альтернативного отношения ко времени, работе и самому себе. Это второй парадоксальный элемент мира плантации как места воплощения чрезвычайного положения. Раб, с которым общаются так, словно в своем существовании он сведен к орудию и средству производства, тем не менее способен вовлечь в свое представление практически любой предмет, инструмент, язык или жест, а затем стилизовать его. Вырываясь из состояния отчуждения, в котором он существует только как фрагмент вещественного мира, раб способен демонстрировать многогранные возможности человеческой коммуникации через музыку и свое тело — то самое тело, которым якобы владеет другой³⁵.

Если в плантационной системе отношения между жизнью и смертью, политика жестокости и символика унижения размыты, то в колонии и при режиме апартеида возникает своеобразная форма террора, которую следует рассмотреть отдельно³⁶. Отличительной чертой этой формы террора является соединение биовласти, чрезвычайно го положения и осадного положения. В этой сцепке решающая роль вновь отведена расе³⁷. Как правило, колониальный мир становился первым испытательным полигоном для расовой сегрегации, запрета смешанных браков, принудительной стерилизации и истребления покоренных народов. Здесь происходит слияние технологий

³⁵ Roger D. Abrahams, *Singing the Master: The Emergence of African American Culture in the Plantation South* / D. Roger. – New York: Pantheon, 1992. – 384 p. – ISBN 978-0140179194.

³⁶ Не стоит забывать, что колониальные формы суверенитета всегда были фрагментарными. Они были сложными, «менее озабоченными легитимацией собственного присутствия и гораздо более жестокими, чем их европейские формы». Важно и то, что «европейские государства никогда не стремились управлять населением колонизированных территорий так же, как своим собственным населением» (см.: Hansen T. B., Stepputat F. *Sovereign Bodies: Citizens, Migrants and States in the Post-Colonial World* / T. B. Hansen, F. Stepputat F. – Princeton, Oxford: Princeton University Press. – 384 p. – ISBN 978-0691121192).

³⁷ Дэвид Тео Голдберг утверждает, что начиная с XIX века существуют как минимум два подхода к рационализации расизма: натурализм (*natuism*) (основанный на утверждении о неполноценности) и историзм (основанный на утверждении об исторической «незрелости» и, следовательно, «обучаемости» туземцев). В частном сообщении (23 августа 2002 г.) он утверждает, что эти две традиции по-разному проявляют себя, когда речь заходит о суверенитете, чрезвычайном положении и формах некровласти. По его мнению, некровласть может принимать различные формы: ужас реальной смерти или более «благожелательную» форму, результатом которой является разрушение культуры, чтобы «спасти народ» от самого себя. См.: Goldberg D. Th. In *The Racial State* / D. Th. Goldberg. – Malden, MA: Blackwell, 2002. – 336 p. – ISBN 978-0631199212.

массовых убийств с бюрократией — этим воплощением западной рациональности³⁸. Арендт развивает тезис о связи между национал-социализмом и традиционным империализмом. По ее мнению, колониальное завоевание раскрыло доселе невиданный потенциал насилия. Во время Второй мировой войны методы, ранее предназначенные для порабощения «дикарей», были распространены на «цивилизованные» народы Европы.

То, что технологии, породившие нацизм, зародились на плантациях или в колониях, или, наоборот, что нацизм и сталинизм, как утверждает Фуко, лишь усилили ряд механизмов, уже существовавших в западноевропейских социальных и политических формациях (подчинение тела, санитарные нормы, социал-дарвинизм, евгеника, медико-правовые теории наследственности, вырождения и расы), в конце концов, не имеет значения. Факт остается фактом: в философской мысли модерна и в европейской политической практике и воображении колония представляет собой место, где суверенитет в основе своей состоит в осуществлении власти вне закона (*ab legibus solutus*) и где «мир» с большой вероятностью оборачивается «бесконечной войной».

В самом деле, эта точка зрения соответствует определению суверенитета, данному Карлом Шмиттом еще в начале двадцатого века, — это власть принимать решения о чрезвычайном положении. Чтобы правильно оценить эффективность колонии как формы террора, нам нужно углубиться в само европейское воображаемое, поскольку оно связано с важнейшим вопросом об окультуривании войны и создании европейского правового порядка (*Jus publicum Europaeum*). В основе этого порядка лежат два ключевых принципа. Первый постулирует юридическое равенство всех государств — равенство, которое, в частности, было применено к праву на ведение войны (то есть лишение жизни). Право на ведение войны означало две вещи. Во-первых, способность убивать или заключать мир признавалась одной из важнейших функций любого государства. В то же время ни одно государство не может претендовать на власть за пределами своих границ. И наоборот, в пределах собственных границ государство не признает над собой никакой другой власти. Во-вторых, государство обязывалось «цивилизовать» способы убийства и обосновывать сам акт убийства рациональными целями.

³⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. — М.: ЦентрКом, 1996. — С. 261–306.

Второй принцип был связан с территориализацией суверенного государства, то есть с определением его границ в контексте вновь установленного глобального порядка. В этом контексте *Jus publicum* быстро приобрел форму разграничения между Европой (где, собственно, должен был царить правовой порядок) и теми частями земного шара, которые доступны для колониального присвоения³⁹. Это разграничение, как мы увидим, имеет решающее значение для оценки эффективности колонии как форма террора. Согласно *Jus publicum*, легитимная война в значительной степени определяется как война одного государства против другого или, точнее, как война между «цивилизованными» государствами. Центральное место государства в системе исчисления войны обусловлено тем, что государство — это модель политического единства, принцип рациональной организации, воплощение идеи всеобщего и образ морали.

В этом отношении колонии напоминают фронтиры. Населенные «дикарями» колонии не организованы по образцу государств и не создают человеческий мир. Их армии не являются отдельным образованием, их войны — это не войны между регулярными армиями. Они не проводят мобилизацию суверенных субъектов (граждан), которые уважают друг друга как врагов. Они не делают различий между комбатантами и некомбатантами, между «врагом» и «преступником»⁴⁰. Следовательно, заключить с ними мир невозможно. Короче говоря, колонии представляют собой зоны, где война и беспорядок, внутренняя и внешняя политика четко не различены или занимают место друг друга. Как таковые колонии представляют собой пространства, где контроль и гарантии правового порядка подвешены *par excellence*, зоны, где насилие чрезвычайного положения должно служить на благо «цивилизации».

Тот факт, что порой колонии управлялись в условиях абсолютного беззакония, проистекает из отрицания какой-либо связи между завоевателем и коренным населением на уровне расы. В глазах завоевателя *жизнь дикаря* — это просто другая форма *животной жизни*, ужасающий опыт, нечто чуждое, невообразимое и немислимое. Согласно Арендт, эта пугающая инаковость дикарей связана

³⁹ Balibar E. Prolegomena to Sovereignty // We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – P. 133–154.

⁴⁰ Walter E. V. Terror and Resistance: A Study of Political Violence with Case Studies of Some Primitive African Communities / E. V. Walter. – Oxford: Oxford University Press, 1969. – 400 p. – ISBN 978-0196317502.

не столько с цветом их кожи, сколько с тем, что они ведут себя как часть природы, относятся к природе как к своему бесспорному хозяину. Ведь природа, таким образом, остается во всем своем величии непреодолимой реальностью, по сравнению с которой они кажутся фантомами, нереальными и призрачными. Дикари — это как бы «естественные» люди, лишенные специфически человеческого характера, специфически человеческой реальности, «так что, когда европейцы умерщвляли их, они как-то не осознавали, что совершают убийство»⁴¹.

По всем вышеперечисленным причинам право суверена на убийство не подчиняется в колониях никаким правилам. В колониях суверен может убивать в любое время и любым способом. Колониальная война не подчиняется каким бы то ни было правовым и институциональным нормам и не является юридически кодифицированной сферой. Вместо этого колониальный террор постоянно переплетается с колонизаторскими фантазиями о дикой природе, смерти, а также с различными небылицами. Мир не является естественным исходом колониальной войны. В действительности, само различие между войной и миром здесь не имеет смысла. Колониальные войны являются выражением абсолютной враждебности, которая настраивает завоевателя против абсолютного врага⁴². Все проявления войны и враждебности, которые европейское правовое воображение отодвигало на задворки, возрождаются в колониях. Здесь рушится фиктивное различие между «целями» и «средствами» войны. Также рушится и фикция, согласно которой война — это управляемое правилами состязание, в отличие от чистой бойни без рисков или инструментального оправдания. Поэтому бессмысленно пытаться разрешить один из упрямых парадоксов войны, который так хорошо уловил Александр Кожев в своем переосмыслении гегелевской «Феноменологии духа»: ее идеализм, сочетающийся с ее очевидной бесчеловечностью⁴³.

⁴¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. — М.: ЦентрКом, 1996. — С. 270.

⁴² О понятии «враг» см.: Lennemi / Lefranc S., Sadoun M (eds.) // *Raisons politiques*. — 2002. — Vol. 5. — ISBN 978-2724629354.

⁴³ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / А. Кожев. — М.: Наука, 2013. — 791 с. — ISBN 978-5-02-026350-5.

Некроволасть и оккупация в позднем модерне

Можно подумать, что вышеизложенные идеи относятся к давнему прошлому. Действительно, когда-то целью имперских войн было уничтожение местных властей, размещение войск и установление новых моделей военного контроля над гражданским населением на завоеванных землях. Группа местных вспомогательных войск могла оказывать помощь в управлении территориями, присоединенными к империи. Внутри империи побежденное население наделялось статусом, закрепляющим его бедственное положение. В этих условиях насилие представляло собой исходную форму права, а исключение из права определяло структуру суверенитета. Каждая стадия империализма также была связана с определенными ключевыми технологиями (канонерская лодка, хинин, пароходные линии, подводные телеграфные кабели, колониальные железные дороги)⁴⁴.

Колониальная оккупация заключалась в захвате, разграничении и утверждении контроля над географической территорией. Таким образом, на завоеванной земле записывался новый набор социальных и пространственных отношений. Формирование новых пространственных отношений (территориализация) в конечном итоге сводилось к созданию границ и вертикалей власти, зон и анклавов, подрыву существующих отношений собственности, классификации людей в соответствии с различными категориями, добыче ресурсов, и, наконец, созданию большого резервуара культурного воображаемого. Это воображаемое наполняло смыслом установление различных прав для разных категорий людей, которое реализовывалось с разными целями в одном и том же пространстве. Таким образом, пространство является тем же сырьем для суверенитета и насилия, которые оно в себя вмещает. Суверенитет означал оккупацию, а оккупация — помещение колонизированных в серую зону между субъектностью и объектностью.

Так было в случае с режимом апартеида в Южной Африке. Здесь структурной формой был тауншип, а хоумленды стали резервациями (сельскими базами), с помощью которых можно было регулировать поток трудовых мигрантов и держать под контролем африканскую

⁴⁴ См.: Headrick D. R. *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century* / D. R. Headrick. – New York: Oxford University Press, 1981. – 221 p. – ISBN 978-0195028324.

⁴⁵ О тауншипах (township) см.: *From Shantytown to Township: An Economic Study of African Poverty and Rehousing in a South African City* / G. G. Maasdorp, A. S. B. Humphreys (eds.). – Cape Town: Juta, 1975. – 157 p. – ISBN 978-0702105692.

урбанизацию⁴⁵. Как показала Белинда Боззоли, тауншип был местом, где «раса и класс становились основанием для жестокого угнетения и бедности»⁴⁶. Как социально-политическая, культурная и экономическая структура тауншип был особым пространственным институтом, научно спланированным в целях контроля⁴⁷. Функционирование хоумлендов и тауншипов предполагало следующее: жесткие ограничения для чернокожих на производство рыночной продукции для белых районов, лишение чернокожих прав на землевладение (за исключением зон резервации) и возможности проживания на белых фермах (за исключением слуг, нанятых белыми), контроль за притоком городского населения и, в более позднее время, отказ в предоставлении африканцам гражданства⁴⁸.

Франц Фанон выразительно описывает структуризацию пространства колониальной оккупации. Прежде всего, утверждает он, колониальная оккупация влечет за собой разделение пространства на определенные зоны. Она предполагает установление границ и внутренних рубежей, олицетворяемых казармами и полицейскими участками; она регулируется языком чистой силы, непосредственного присутствия, системных и прямых действий; она основана на принципе взаимного исключения⁴⁹. Но важнее то, что именно так действует некровласть: «Город, принадлежащий колонизированному народу... является местом дурной славы, населенным людьми с дурной репутацией. Там они рождаются — неважно, где и как; там они умирают — неважно, где и как. Это мир без пространства, люди живут там буквально друг на друге. Город местных — это голодный город, обделенный хлебом, мясом, обувью, углем и светом. Это скрюченная деревня, город, стоящий на коленях»⁵⁰. Здесь суверенитет означает способность определять, кто имеет значение, а кто нет, кто может быть использован как расходный материал, а кто — нет.

⁴⁶ Bozzoli B. Why Were the 1980s «Millenarian»? Style, Repertoire, Space and Authority in South Africa's Black Cities / B. Bozzoli // *Journal of Historical Sociology*. – 2000. – Vol. 13. – P. 79.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ См.: *Up Against the Fences: Poverty, Passes and Privileges in South Africa* / H. Giliomee (ed.). – Cape Town: David Philip, 1985. – 365 p. – ISBN 978-0312833800; *Wilson F. Migrant Labour in South Africa* / F. Wilson. – Johannesburg: Christian Institute of Southern Africa, 1972. – 314 p.

⁴⁹ Fanon F. *The Wretched of the Earth* / F. Fanon. – New York: Grove Weidenfeld, 1991. – P. 39.

⁵⁰ Ibid. P. 37–39.

Колониальная оккупация позднего модерна во многом отличается от оккупации раннего модерна. В частности, она подразумевает сочетание дисциплины, биополитики и некрополюки. Наиболее полным выражением некровласти служит современная колониальная оккупация Палестины.

Здесь колониальное государство в своих ключевых притязаниях на суверенитет и легитимность опирается на нарратив о собственной истории и идентичности, базирующийся на идее божественного права государства на существование. Этот нарратив вступает в конкуренцию с другим нарративом за одно и то же сакральное пространство. И поскольку эти нарративы несовместимы, а два народа неразрывно связаны, демаркация территории на основе чистой идентичности практически неосуществима. В этом случае насилие и суверенитет претендуют на божественное основание: единство народа формируется за счет поклонения одному божеству, а национальная идентичность представляется как идентичность, основанная на противостоянии с Другим, с другими божевами⁵¹. История, география, картография и археология должны подкрепить эти претензии, тем самым тесно связывая идентичность и топографию. Как следствие, колониальное насилие и оккупация в значительной степени подкреплены священным террором истины и исключительности (массовые изгнания, переселение «апатридов» в лагеря беженцев, основание новых колоний). Под террором священного скрываются непрекращающиеся раскопки пропавших костей, непрерывные воспоминания о разорванном теле, изрубленном на тысячу частей, которому уже нельзя вернуть целостность; невозможность вообразить «изначальное преступление», невыразимую смерть: ужас Холокоста⁵².

Возвращаясь к анализу пространства колониальной оккупации Фанона, можно заключить, что колониальная оккупация позднего модерна в Газе и на Западном берегу соответствует трем основным характеристикам специфической структуры террора, которую я назвал некровластью. Первая — это динамика территориальной фрагментации, закрытие и расширение поселений. Этот процесс преследует двойную цель: сделать невозможным любое передвижение и внедрить формы разделения по образцу государства апартеида. Таким образом,

⁵¹ См.: Schwartz R. M. *The Curse of Cain: The Violent Legacy of Monotheism* / R. M. Schwartz. – Chicago: University of Chicago Press, 1997. – 228 p. – ISBN 978-0226741994.

⁵² См.: *L'Art et la mémoire des camps: Représenter exterminer* / L. Flein (ed.). – Paris: Seuil, 2001. – 144 p. – ISBN 978-2020509152.

внутри оккупированных территорий возникает сложная сеть границ и различные изолированные ячейки. По мнению Эяля Вейцмана, благодаря отказу от плоскостного деления территории в пользу принципа трехмерных границ внутри суверенной земли рассеивание и сегментация явным образом переопределяют отношение между пространством и суверенитетом⁵³.

Эти действия, по мнению Вейцмана, образуют «политику вертикальности». Возникающая при этом форма суверенитета может быть названа «вертикальным суверенитетом». В режиме вертикального суверенитета колониальная оккупация использует схемы надземных и подземных переходов, отделяя воздушное пространство от земли. Сама земля делится на поверхность и подземные территории. Колониальная оккупация определяется также характером местности и ее топографическими вариациями (вершины и долины, горы и водоемы). Например, возвышенности обеспечивают стратегические преимущества, недоступные в долинах (лучший обзор и самозащита, паноптическая фортификация). По словам Вейцмана, «поселения можно рассматривать как городские оптические приборы для надзора и осуществления власти». В условиях колониальной оккупации позднего модерна надзор ориентирован как внутрь, так и наружу, а глаз выступает одновременно в роли оружия и средства защиты. Вместо окончательного установления границы, разделяющей две нации, «организация специфической территории Западного берега породила множественные разделения и временные границы, между которыми устанавливаются отношения наблюдения и контроля». В этих условиях колониальная оккупация предполагает не только контроль, наблюдение и разделение, но и изоляцию. Это *фрагментирующая оккупация*, идущая в ногу с урбанизмом, характерным для современного мира (пригородные анклавные или закрытые сообщества)⁵⁴.

С точки зрения инфраструктуры подобная форма колониальной оккупации характеризуется наличием сети быстрых объездных дорог, мостов и туннелей, которые оплетают друг друга сверху и снизу в попытке соблюсти «принцип взаимного исключения» Фанона. По словам Вейцмана, «объездные дороги используются для того, чтобы

⁵³ См.: Weizman E. The Politics of Verticality / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politics/verticality/article_801.jsp.

⁵⁴ См.: Graham St., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobility and the Urban Condition / St. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 2001. – 512 p. – ISBN 978-0415189644.

отделить израильские транспортные сети от палестинских таким образом, чтобы они по возможности не пересекались. В рамках одного и того же ландшафта происходит наложение двух отдельных географий. Там, где пути все же пересекаются, создается импровизированное разделение. Чаще всего выкапываются небольшие грунтовые дороги, позволяющие палестинцам проезжать под скоростными широкими шоссе, по которым между поселениями носятся израильские фургоны и военные машины»⁵⁵.

В условиях вертикального суверенитета и фрагментирующей колониальной оккупации сообщества разделяются по вертикальной оси, что ведет к пролиферации пространств насилия. Зоны конфликта, где происходят боевые столкновения, располагаются не только на земной поверхности, но охватывают также подземное и воздушное пространство. Между землей и небом проводится демаркационная линия. Даже границы воздушного пространства разделены на нижние и верхние слои. Повсюду повторяется символика верха. Оккупация неба, таким образом, приобретает критическое значение, поскольку большая часть надзора осуществляется с воздуха. Для этого мобилизуются различные технологии: сенсоры на борту беспилотных летательных аппаратов, самолеты воздушной разведки, самолеты раннего предупреждения Hawkeye, штурмовые вертолеты, спутники, предназначенные для наблюдения за Землей, техника «голограмматизации» (*hologrammatization*). Убийства становятся точными и целенаправленными.

Такая точность сочетается со средневековой тактикой осадной войны, адаптированной к условиям сетевого расположения городских лагерей беженцев. Организованный и систематический подрыв социальной и городской инфраструктуры противника сопровождается захват ресурсов суши, воды и воздушного пространства. Важнейшим элементом этих методов выведения противника из строя является тактика выжженной земли: разрушение домов и городов, выкорчевывание оливковых деревьев, изрешечивание пулями резервуаров с водой, бомбардировка и глушение электронных коммуникаций, перекапывание дорог, уничтожение трансформаторов, разрытие взлетно-посадочных полос аэропортов, выведение из строя теле- и радиопередатчиков и компьютеров, разграбление культур-

⁵⁵ Weizman E. The Politics of Verticality / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politics/verticality/article_801.jsp.

ных объектов, являющихся политическими символами протопалестинского государства, а также мародерство и разграбление медицинского оборудования — иными словами, *инфраструктурная война*⁵⁶. В то время как вертолеты Apache используются для контроля за воздушным пространством и убийства с высоты, бронированные бульдозеры (Caterpillar D-9) применяются на земле как оружие войны и запугивания. По сравнению с колониальной оккупацией раннего модерна, террор позднего модерна стал, несомненно, более высокотехнологичным⁵⁷.

Как показывает пример Палестины, колониальная оккупация позднего модерна представляет собой сцепку нескольких типов власти: дисциплинарной, биополитической и некрополитической. Такая комбинация обеспечивает колониальной власти абсолютное господство над жителями оккупированной территории. *Осадное положение* само по себе является военным институтом. Оно позволяет убивать, не делая различий между внешним и внутренним врагом. Целые народы становятся мишенью суверена. Осажденные деревни и города закрыты и изолированы от мира. Повседневная жизнь милитаризована. Местные военные командиры могут по своему усмотрению решать, в кого и когда стрелять. Для перемещения между территориальными ячейками требуется официальное разрешение. Местные гражданские институты систематически уничтожаются. Местное население лишается средств к существованию. К публичным казням добавляются скрытые убийства.

Машины войны и гетерономия

Рассмотрев механизмы некровласти в условиях колониальной оккупации позднего модерна, мы хотели бы теперь обратиться к современным войнам. То, что делает эти войны современными, не поддается описанию с помощью прежних теорий «договорного насилия», типологий «справедливых» и «несправедливых» войн, или даже

⁵⁶ См.: Graham St. Clean Territory: Urbicide in the West Bank / St. Graham – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – August 7. URL: https://www.opendemocracy.net/conflict-politics/verticality/article_241.jsp.

⁵⁷ Сравните с множеством новых бомб, которые Соединенные Штаты использовали во время войны в Персидском заливе и войны в Косово, большинство из которых были нацелены на то, чтобы вывести из строя электростанции и распределительные пункты. См.: Ignatieff M. Virtual War / M. Ignatieff. – New York: Metropolitan Books, 2000. – 256 p. – ISBN 978-0312278359.

инструментализма Карла фон Клаузевица⁵⁸. По словам Зигмунта Баумана, войны эпохи глобализации не ставят своей целью завоевание, приобретение и захват территории. В идеале они представляют собой операции в духе «бей-и-беги».

Растущий разрыв между высокотехнологичными и низкотехнологичными средствами ведения войны никогда не был столь очевиден, как во время войны в Персидском заливе и кампании в Косово. И в том и в другом случае доктрина «подавляющей или решающей силы» была реализована в полной мере благодаря военно-технической революции, которая беспрецедентно усилила возможности для разрушения⁵⁹. В качестве примера можно привести воздушную войну, связанную с высотой, боеприпасами, видимостью и разведкой. Во время войны в Персидском заливе использование «умных» бомб, а также боеприпасов, содержащих обедненный уран, высокотехнологичного дальнобойного оружия, электронных датчиков, ракет с лазерным наведением, кассетных и дымовых снарядов, технологий скрытного передвижения, а также беспилотных летательных аппаратов и кибернетической разведки быстро подорвало возможности противника.

В Косово «ослабление» сербского военного потенциала было достигнуто за счет инфраструктурной войны, в ходе которой уничтожались мосты, железные и автомобильные дороги, сети связи, нефтехранилища, тепловые электростанции, очистные сооружения. Очевидно, что реализация подобной военной стратегии, особенно в сочетании с введением санкций, приводит к остановке системы жизнеобеспечения противника. Особенно показателен неизгладимый ущерб, нанесенный жизни мирного населения. Например, разрушение нефтехимического комплекса Панчево на окраине Белграда во время кампании в Косово «привело к настолько высокому загрязнению окрестностей токсичными веществами, такими как винилхлорид, аммиак, ртуть, нефть и диоксин, что всем местным жительницам рекомендовали избегать беременности в течение двух лет, а беременным — делать аборты»⁶⁰.

⁵⁸ См.: Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations* / M. Walzer. – New York: Basic Books, 1977. – 400p. – ISBN 978-0465037070.

⁵⁹ *Turning Point: The Gulf War and U. S. Military Strategy* / B. Ederington, M. J. Mazarr, (eds.). – Boulder, CO: Westview, 1994. – 290p. – ISBN 978-0813322926.

⁶⁰ Smith Th. W. *The New Law of War: Legitimizing Hi-Tech and Infrastructural Violence* / Th. W. Smith // *International Studies Quarterly*. – 2002. – Vol. 46. – P. 367. Про Ирак см.: Simons G. L., *The Scourging of Iraq: Sanctions, Law and Natural Justice*, 2 ed. / G. L. Simons. – New York: St. Martin's, 1998. – 384 p. – ISBN 978-0312215194. А также: Shehabaldin A., Laughlin

Таким образом, война эпохи глобализации направлена на то, чтобы подчинить себе противника, невзирая на прямые и косвенные последствия военных действий и так называемый «сопутствующий ущерб». В этом смысле современные войны напоминают скорее военную стратегию кочевников, чем современные территориальные войны по принципу «завоевать и присоединить». По словам Баумана, «превосходство кочевников над оседлым населением основывается на скорости их передвижения, их способности незаметно и без предупреждения появляться из ниоткуда и столь же быстро исчезать, перемещаться налегке и не обременять себя имуществом, которое ограничивает мобильность и маневренный потенциал тех, кто ведет оседлый образ жизни»⁶¹.

Теперь мобильность стала глобальной. Важная особенность эпохи глобальной мобильности заключается в том, что государства больше не обладают монополией на военные операции и осуществление права убивать, а «регулярная армия» больше не является единственным средством для выполнения этих функций. Не так-то просто претендовать на высшую и неоспоримую власть в конкретном политическом пространстве. Вместо этого возникает лоскутное одеяло перекрывающихся и неполных прав на управление, прав, которые накладываются друг на друга и переплетаются. В такой ситуации на одной географической территории де-факто присутствуют различные правовые инстанции, множественные подданства, асимметричные сюзеренитеты и анклавы⁶². В этой гетерономии территориальных прав и претензий не имеет смысла настаивать на четком разграничении между «внутренней» и «внешней» политической сферой.

Возьмем Африку, где политическая экономия государственности кардинально изменилась за последнюю четверть двадцатого века.

Jr. W. M. Economic Sanctions against Iraq: Human and Economic Costs / A. Shehabaldin, Jr. W. M. Laughlin // *International Journal of Human Rights*. – 2000. – Vol. 3. – No. 4. – P. 1–18.

⁶¹ «Находясь на расстоянии от своих “целей”, проносясь над теми, кого они сбивают (слишком быстро, чтобы увидеть разрушения, которые они причиняют, и кровь, которую они проливают), пилоты, ставшие теперь внешними пилотами БВС, почти никогда не имеют возможности посмотреть в лицо своим жертвам и увидеть человеческие страдания, которые они посеяли», – добавляет Бауман. «Сегодня профессиональные военные не видят ни трупов, ни ран. Они могут спать спокойно; никакие муки совести не заставят их проснуться» (Bauman Z. Wars of the Globalization Era / Z. Bauman // *European Journal of Social Theory*. – 2001. – Vol. 4. – No. 1. – P. 15). См. также: Bauman Z. *Penser la guerre aujourd'hui* / Z. Bauman // *Cahiers de la Villa Gillet*. – 2002. – No. 16. – P. 75–152.

⁶² Mbembe A. At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa / A. Mbembe // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12. – P. 259–284.

Многие африканские государства больше не могут претендовать на монополию на насилие или средства принуждения на своей территории. Они также не могут претендовать на монополию в отношении территориальных границ. Принуждение само по себе стало рыночным товаром. Военная сила покупается и продается на рынке, на котором личность поставщиков и покупателей практически ничего не значит. Городские ополчения, частные армии, армии региональных царьков, частные охранные фирмы и регулярные войска — все они претендуют на право применять насилие и убивать. Соседние государства или повстанческие движения сдают армии в аренду бедным государствам. Негосударственные посредники насилия поставляют два важнейших ресурса принуждения: рабочую силу и полезные ископаемые. Все чаще подавляющее большинство армий состоит из гражданских лиц, детей-солдат, наемников и каперов (*privateers*)⁶³.

Наряду с армиями возникает то, что мы вслед за Делезом и Гваттари можем назвать *машинами войны*⁶⁴. Машины войны состоят из фрагментов вооруженных группировок, которые разделяются или сливаются друг с другом в зависимости от выполняемых задач и обстоятельств. Будучи полиморфными и диффузными формированиями, машины войны характеризуются способностью к метаморфозам. В пространственном отношении они мобильны. Иногда они находятся в сложных связях с государственными формами (от автономии до инкорпорации). Иногда государство может собственными руками превратить себя в машину войны. Более того, оно может присвоить себе уже существующую машину войны или способствовать ее созданию. Что-то машины войны перенимают у регулярных армий, но в то же время они вбирают в себя новые элементы, соответствующие принципу сегментации и детерриториализации. Регулярные армии, в свою очередь, могут охотно перенимать некоторые характеристики машин войны.

Машина войны сочетает в себе множество функций. Ей присущи черты политической организации и торговой компании. Она

⁶³ В международном праве «каперы» определяются как «суда, принадлежащие частным владельцам и плавающие по военному приказу, дающему право лицу, которому он выдан, вести все виды враждебных действий, допустимых на море по обычаям войны». Мы используем этот термин для обозначения вооруженного формирования, действующего независимо от какого-либо политически организованного общества и преследующего частные интересы, независимо от того, скрывается ли оно под маской государства или нет. См. Thomson J. *Mercenaries, Pirates, and Sovereigns* / J. Thomson. — Princeton: Princeton University Press, 1997. — P. 21–22.

⁶⁴ Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — С. 587–716.

осуществляет захваты и грабежи и даже может чеканить собственные деньги. Чтобы обеспечить добычу и экспорт природных ресурсов, расположенных на контролируемых ими территориях, машины войны устанавливают прямые связи с транснациональными сетями. Машины войны появились в Африке в последней четверти XX века и это было напрямую связано с истощением потенциала постколониальных государств к созданию экономических основ для политической власти и порядка. Этот потенциал включает в себя увеличение доходов, контроль и регулирование доступа к природным ресурсам на четко определенной территории. В середине 1970-х годов, когда способность государства поддерживать этот потенциал начала ослабевать, возникла четкая связь между денежной нестабильностью и пространственной фрагментацией. В 1980-х годах тяжелый опыт обесценивания валюты стал обычным явлением, а несколько стран пережили циклы гиперинфляции (которые могли сопровождаться таким явлением, как поспешная замена валюты). В последние десятилетия XX века денежное обращение влияло на государство и общество по меньшей мере двумя различными способами.

Во-первых, мы наблюдали общее истощение ликвидных средств и их постепенную концентрацию в определенных каналах, доступ к которым подчиняется все более драконовским условиям. В результате резко сократилось число лиц, обладающих материальными средствами контроля и попавших в долговую зависимость. Исторически создание и поддержание зависимости посредством механизма долгов всегда было ключевым аспектом как производства людей, так и установления политических связей⁶⁵. Такие связи имеют решающее значение для определения ценности людей и оценки их полезности. Если их ценность и полезность не подтверждается, их могут низвести до ранга рабов, заложников или клиентов.

Во-вторых, контролируемый приток и фиксация движения денег в зонах добычи специфических ресурсов позволили сформировать анклавную экономику, изменив тем самым прежнюю калькуляцию между людьми и вещами. В свою очередь, концентрация деятельности, связанной с добычей ценных ресурсов, вокруг этих анклавов превратила последние в привилегированные пространства войны и смерти. Сама война подпитывается ростом продаж добытой

⁶⁵ См. гл. 2 и 4 в книге: Miller J. C. *Way of Death: Merchant Capitalism and the Angolan Slave Trade, 1730–1830* / J. C. Miller. – Madison: University of Wisconsin Press, 1988. – 796 p. – ISBN 13978-0299115647.

продукции⁶⁶. Таким образом, возникли новые связи между ведением войны, машинами войны и добычей ресурсов⁶⁷. Машины войны участвуют в формировании транснациональных локальных или региональных экономик. В большинстве стран распад официальных политических институтов под воздействием насилия приводит к формированию экономики ополчения. Машины войны (в данном случае ополченцы или повстанческие движения) быстро превращаются в высокоорганизованные хищнические механизмы, облагающие налогами население на территориях, которые они занимают, и опирающиеся на различные транснациональные сети и диаспоры, оказывающие им как материальную, так и финансовую поддержку.

С новой географией добычи ресурсов связано возникновение беспрецедентной формы правительности, которая заключается в *управлении человеческими множествами*. Добыча и разграбление природных ресурсов военными машинами идет рука об руку с жестокими попытками обездвигнуть и пространственно зафиксировать целые категории людей или, напротив, как это ни парадоксально, освободить их, чтобы заставить их рассеяться на обширных территориях, больше не ограниченных границами территориального государства. Как политическая категория население затем разделяется на повстанцев, детей-солдат, жертв, беженцев или гражданских лиц, которые становятся недееспособными в результате военных действий или просто вырезаются по образцу древних жертвоприношений, а «выжившие», став свидетелями всех этих ужасов, оказываются в лагерях и зонах исключения⁶⁸.

Эта форма правительности отличается от колониального *командования*⁶⁹. Техники осуществления полицейской власти и дисциплины, выбор между реальным подчинением и его имитацией, характерные

⁶⁶ См.: Angola's War Economy: The Role of Oil and Diamonds / Cilliers and Ch. Dietrich (eds.). – Pretoria: Institute for Security Studies, 2000. – 370 p. – ISBN 13978-0620266451.

⁶⁷ См., например: Rapport du Groupe d'experts sur l'exploitation illégale des ressources naturelles et autres richesses de la République démocratique du Congo // United Nations Report. – 2001. – No. 2. – P. 357. Он был представлен генеральным секретарем Совету Безопасности 12 апреля 2001 года. См. также: Snyder R. Does Lootable Wealth Breed Disorder? States, Regimes, and the Political Economy of Extraction / R. Snyder // Comparative political studies. – 2006. – Vol. 39. – No. 8. – P. 943–968.

⁶⁸ См. работу целиком, но в особенности стр. 281–287 в работе: Landau L. B. The Humanitarian Hangover: Transnationalization of Governmental Practice in Tanzania's Refugee-Populated Areas / L. B. Landau // Refugee Survey Quarterly. – 2002. – Vol. 21. – No. 1. – P. 260–299.

⁶⁹ См. ч. 1–3 в книге: Mbembe A. On the Postcolony / A. Mbembe. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 292 p. – ISBN 978-0520204355.

для колониального и постколониального господства, постепенно заменяются более радикальной, и поэтому более трагичной, альтернативой. В контексте, когда выбор стоит между жизнью и смертью, технологии разрушения становятся более осязаемыми, более анатомическими и тактильными⁷⁰. Если власть все еще зависит от жесткого контроля над телами (или от их концентрации в лагерях), то новые технологии разрушения озабочены уже не столько тем, как встроить тела в дисциплинарные аппараты, сколько тем, как вписать их, когда придет время, в порядок предельной экономии, то есть экономии массовых убийств. Отсутствие безопасности становится общим местом, что углубляет социальное различие между теми, кто имеет оружие, и теми, кто его не имеет (закон распределения оружия). Война все чаще ведется не между армиями двух суверенных государств, а между различными вооруженными формированиями, одни из которых действуют под маской государства, тогда как другие, хотя и являются негосударственными, контролируют важные территории. При этом под перекрестный огонь попадает гражданское население, которое не вооружено или организуется в ополчения. В тех случаях, когда вооруженным повстанцам не удается полностью захватить власть в свои руки, они провоцируют территориальные разделы и добиваются контроля над целыми регионами, которые управляются по модели феодальных владений (это, как правило, территории, где есть месторождения полезных ископаемых)⁷¹.

Способы убийства не сильно отличаются друг от друга. В случае массовых убийств безжизненные тела быстро превращаются в скелеты. Их морфология отныне вписывает их в регистр недифференцированной общности: реликвии непогребенной боли, пустые телесности, лишённые смысла, странные формы, ввергнутые в жестокое оцепенение. В случае геноцида в Руанде, где большое количество скелетов было если не эксгумировано, то, по крайней мере, сохранено в видимом состоянии, поражает напряжение между странным, леденящим окаменением костей и их упрямым желанием что-то выразить, о чем-то сказать.

⁷⁰ См. также: Talley L., Spiegel P. B., Girgis M. An Investigation of Increasing Mortality among Congolese Refugees in Lugufu Camp, Tanzania, May–June 1999 / L. Talley, P. B. Spiegel, M. Girgis // *Journal of Refugee Studies*. – 2001. – Vol. 14. – No. 4. – P. 412–427.

⁷¹ См. ч. 7 в кн.: Hodges T. *Angola: From Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism* / T. Hodges. – Oxford: James Currey, 2001. – 201 p. – ISBN 978-0852558515; Ellis St. *The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War* / St. Ellis. – London: Hurst, 1999. – 350 p. – ISBN 978-0814722190.

В этих бесстрастных грудях костей, кажется, нет никакой атараксии: ничего, кроме иллюзорного отрицания уже случившейся смерти. В иных случаях, когда физическая ампутация заменяет немедленную смерть, это открывает путь для применения техник разреза, абляции и иссечения, которые также направлены на кости. Следы такой «демиургической» хирургии сохраняются надолго. Физическая целостность тел, которые удалось спасти, уступила место кускам, фрагментам, складкам и обширным ранам, которые трудно закрыть. Их функция — поддерживать в глазах жертвы и окружающих болезненное зрелище произошедшего.

О жертвоприношении и металле

Вернемся к примеру Палестины, где мы находим противостояние двух, казалось бы, несовместимых логик: *логики мученичества* и *логики выживания*. Рассматривая их, мы хотели бы поразмышлять, с одной стороны, о связи между смертью и террором, с другой — о связи между террором и свободой.

Нельзя сказать, что в противостоянии этих двух логик террор находится на одной стороне, а смерть — на другой. Террор и смерть составляют ядро обеих логик. Как напоминает нам Элиас Канетти, выживший — это тот, кто, прошел по тропе смерти, кто неоднократно обнаруживал себя среди павших, но сумел сохранить свою жизнь. Или, если точнее, выживший — это тот, кто сразился с полчищем врагов и сумел не только остаться в живых, но и убить нападавших. В этом смысле можно сказать, что убийство — это базовая ступень выживания. Канетти отмечает, что в логике выживания «каждый человек враг другому». Или, еще более радикально: в логике выживания ужас, испытываемый при виде смерти, превращается в удовлетворение от того, что мертвый человек — это другой. Именно смерть другого, его физическое присутствие в виде трупа, позволяет выжившему почувствовать себя уникальным. И каждый убитый враг при этом лишь усиливает ощущение безопасности⁷².

Иначе обстоит дело с логикой мученичества. Ее олицетворяет фигура «террориста-смертника», которая сама по себе вызывает ряд вопросов: в чем состоит сущностное различие между убийством, которое осуществляется с помощью ракетного выстрела из вертолета или

⁷² См.: Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М.: АСТ, 2015. – С. 279–345.

танка, и убийством, которое осуществляется посредством собственного тела? Препятствует ли различие между видами смертоносного оружия созданию системы общего обмена между способами убивать и способами умирать?

Террорист-смертник не носит военную форму и не размахивает оружием. Кандидат в мученики выслеживает свою цель; его враг — это добыча, для которой он ставит ловушку. Большое значение имеет место засады: автобусная остановка, кафе, дискотека, рынок, контрольно-пропускной пункт, дорога. Как правило, это пространства повседневной жизни.

Помимо места засады есть и другая ловушка: маскировка тела. Кандидаты на мученическую смерть превращают свое тело в камуфляж, скрывающий оружие, которое вот-вот взорвется. В то время как танк или ракета хорошо видны, оружие, носимое в оболочке тела, невидимо. Скрытое таким образом, оно становится частью тела: оно настолько тесно связано с телом, что уничтожает его в момент взрыва, а вместе с ним и тела других людей, если только от них что-то остается. Оно не просто скрывает оружие. Оно само превращается в оружие, причем не в метафорическом, а в буквальном — баллистическом — смысле слова.

В данном случае моя смерть идет рука об руку со смертью Другого. Убийство и самоубийство совершаются в одном и том же акте. Сопротивление и саморазрушение в значительной степени синонимичны. Убить другого и самого себя — значит низвести до статуса кусков мертвой плоти, разбросанных повсюду и с трудом собранных воедино перед погребением. В этом случае речь идет о тактике ближнего боя, войне тело на тело (*guerre au corps-à-corps*). Чтобы убить, нужно подобраться как можно ближе к телу врага. Чтобы взорвать бомбу, необходимо решить вопрос расстояния с помощью работы по сближению и маскировке.

Как мы должны интерпретировать такой способ пролития крови, в котором моя собственная смерть всегда идет рука об руку со смертью другого? Чем он отличается от смерти, причиненной танком или ракетой, в контексте, где цена моего выживания рассчитывается на основе моей способности и готовности убить кого-то другого⁷³? В логике «мученичества» воля к смерти сливается с желанием забрать врага с собой в могилу, захлопнуть дверь жизни перед всеми. Эта логика, как кажется, противоположна той, которая заключается в желании причинить смерть другим, сохраняя собственную жизнь. Канетти описывает

этот момент выживания как момент власти. В этом случае триумф развивается именно из возможности быть там, где других (в данном случае врага) уже нет. Такова логика героизма в классическом понимании: убивать других, удерживая собственную смерть на расстоянии.

В логике мученичества возникает новый семиозис убийства. Он не обязательно основан на отношениях между формой и материей. Как мы уже указывали, тело здесь становится камуфляжем мученика. Само по себе оно не обладает ни властью, ни ценностью. Скорее, его власть и ценность проистекают из процесса абстрагирования, основанного на стремлении к вечности. В этом смысле можно сказать, что мученик достигает момента превосходства, в котором он преодолевает свою смертность, действуя во имя будущего. Иными словами, в смерти будущее растворяется в настоящем.

В своем стремлении к вечности осажденное тело проходит две стадии. Во-первых, оно превращается в простую вещь, в податливую материю. Во-вторых, способ, которым оно предается смерти — самоубийство — придает ему высший смысл. Материя тела, или, опять же, материя, которой тело *является*, наделяется свойствами, которые выводятся не из его вещественной природы, а из расположенного вне тела трансцендентного *номоса*. Осажденное тело превращается в кусок металла, чья функция — посредством жертвоприношения создавать вечную жизнь. Тело удваивает себя и, умирая, буквально и метафорически выходит из осадного положения и оккупации.

В заключение рассмотрим связь между террором, свободой и жертвоприношением. Хайдеггер утверждает, что «бытие-к-смерти» является решающим условием всякой подлинной свободы⁷⁴. Другими словами, человек свободен жить своей жизнью только потому, что он свободен умереть своей смертью. Если Хайдеггер придает бытию-к-смерти экзистенциальный статус и считает его событием свободы, то Батай полагает, что «жертвоприношение в действительности ничего не открывает».

Это не просто абсолютное проявление негативности. Это еще и комедия. Для Батая смерть раскрывает животную сторону человека, которую он также называет «природным существом». Он добавляет: «Чтобы человек в конце концов раскрылся для себя, он должен умереть, но ему придется сделать это еще при жизни, глядя на себя, прекращающего существование». Другими словами, челове-

⁷³ Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 235–266.

⁷⁴ Там же.

ский субъект должен быть жив в момент умирания, должен осознавать свою смерть, жить с ощущением того, что он действительно умирает. Сама смерть должна стать самоосознанием в тот самый момент, когда она уничтожает сознательное существо. «В некотором смысле именно это и происходит (по крайней мере, находится на грани того, чтобы произойти, или происходит неуловимым, ускользающим образом) в обманном маневре жертвоприношения. В жертвоприношении тот, кто приносит себя в жертву, отождествляется с животным в момент смерти. Таким образом, он умирает, видя свою смерть, и даже в каком-то смысле по собственной воле становится единым целым с орудием жертвоприношения. Но это игра!». А для Батая игра так или иначе является средством, с помощью которого человеческий субъект «добровольно обманывает себя»⁷⁵.

Как понятия игры и обмана соотносятся с действиями террориста-смертника? В случае с террористом-смертником жертвоприношение, несомненно, заключается в демонстративном предании себя смерти, в превращении себя в жертву. Жертвуя собой, человек получает власть над своей смертью, встречая ее лицом к лицу. Эта власть может проистекать из веры в то, что разрушение собственного тела не влияет на непрерывность бытия, ведь бытие существует вне нас. Здесь самопожертвование заключается в снятии двойного запрета: на убийство и на самоубийство. Однако, в отличие от первобытных жертвоприношений, здесь нет животного, которое замещало бы собой жертву. Смерть здесь приобретает характер трансгрессии. Но, в отличие от распятия, она не имеет искупительного измерения. Она не связана с гегелевскими парадигмами престижа или признания. Действительно, убитый человек не способен признать своего убийцу, тоже мертвого. Значит ли это, что смерть здесь символизирует чистую аннигиляцию и ничто, избыток и позор?

Независимо от того, рассматриваются ли они с точки зрения рабства или колониальной оккупации, смерть и свобода неразрывно переплетены. Как мы видели, террор является определяющей чертой как рабовладельческого, так и колониального режимов позднего модерна. Оба режима — это также конкретные случаи и опыт несвободы. Жить в условиях современной оккупации — значит постоянно испытывать состояние «боли»: повсюду укрепленные сооружения, военные посты и блокпосты; здания, вызывающие болезненные

⁷⁵ Bataille G. Oeuvres complètes / G. Bataille. — Paris: Gallimard, 1988. — P. 336.

воспоминания об унижениях, допросах и избиваниях; комендантский час, заключающий сотни тысяч людей в тесные дома каждую ночь от заката до рассвета; солдаты, патрулирующие неосвещенные улицы, пугающиеся собственных теней; дети, ослепленные резиновыми пулями; родители, опозоренные и избитые на глазах у членов своих семей; солдаты мочатся на заборы, стреляют по водонапорным бакам на крышах, скандируют громкие и оскорбительные лозунги, стучат в хрупкие жестяные двери, чтобы напугать детей, отбирают документы или выбрасывают мусор посреди жилых кварталов; пограничники опрокидывают овощные киоски или закрывают границы по своей прихоти; ломают кости; стреляют и погибают — форменное безумие⁷⁶.

В таких обстоятельствах жизненная дисциплина и необходимые тяготы (испытание смертью) отличаются чрезмерностью. Террор, смерть и свободу связывает экстагическое представление о временности и политике. Будущее здесь может быть достоверно предвосхищено, но не в настоящем. Само настоящее — это лишь момент видения, разглядывания еще не наступившей свободы. Смерть в настоящем — то посредник искупления. Далекая от столкновения с пределом, границей или барьером, она переживается как «освобождение от террора и рабства»⁷⁷. Как отмечает Гилрой, это предпочтение смерти продолжению рабства указывает на природу самой свободы (или к ее отсутствию). Если это отсутствие является самой природой существования раба или колонизированного, то это же отсутствие является и способом, с помощью которого он принимает во внимание свою смертность. Ссылаясь на практику индивидуального или массового самоубийства рабов, загнанных в угол охотниками за рабами, Гилрой предполагает, что в этом случае смерть может воплощать собой власть. Ведь смерть — это именно то, благодаря чему и над чем мы имеем власть. Но это также и пространство, где действуют свобода и отрицание.

⁷⁶ См.: Hass A. *Drinking the Sea at Gaza: Days and Nights in a Land under Siege* / A. Hass. — New York: Henry Holt, 1996. — 400p. — ISBN 978-0805057409.

⁷⁷ Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness* / P. Gilroy. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. — P. 63.

Заключение

Мы показали, что современные формы подчинения жизни власти смерти (некрополитика) глубоко перестраивают отношения между сопротивлением, жертвенностью и террором. Мы также продемонстрировали, что понятия биовласти недостаточно для объяснения современных форм подчинения жизни власти смерти. Более того, мы выдвинули понятие некрополитики, или некровласти, для объяснения различных способов, с помощью которых в современном мире оружие применяется с целью максимального уничтожения людей и создания *миров смерти*, то есть новых и уникальных форм социального существования, в которых огромные массы населения оказываются в жизненных условиях, придающих им статус *живых мертвецов*. Также мы описали топографию репрессивных форм жестокости (в частности, плантации и колонии) и предположили, что современная форма некровласти стирает границы между сопротивлением и самоубийством, жертвой и исполнением, мученичеством и свободой.

Библиография

1. Jackson R. Introduction: Sovereignty at the Millennium / R. Jackson // *Political Studies*. – 1999. – Vol. 47 – No 3. – P. 423–430.
2. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с. – ISBN 5-02-026848-8.
3. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0202-5.
4. Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2005. – 326 с. ISBN 5-02-026895-X.
5. Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / К. Шмитт. – М.: Праксис, 2007. – 301 с. – ISBN 978-5-901574-66-9.
6. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-X.
7. Агамбен Дж. Средства без цели: Заметки о политике / Дж. Агамбен. – М.: Гилея, 2015. – 148 с. – ISBN 978-5-87987-097-8.
8. Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final

Solution» / S. Friedlander (ed.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 414 p. – ISBN 978-0674707665.

9. Ogilvie B. Comparer l'incomparable / B. Ogilvie // *Multitudes*. – 2001. – Vol. 7. – P. 130–166.

10. *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics* / J. Bohman, W. Rehg (eds.). – Cambridge, MA: mit Press, 1997. – 477 p. – ISBN 978-0262522410.

11. Habermas J. *Between Facts and Norms* / J. Habermas. – Cambridge, MA: mit Press, 1996. – 676 p. – ISBN 978-0262581622.

12. *What Is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions* / J. Schmidt. (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1996. – 563 p. – ISBN 978-0520202269.

13. Касториадис К. *Воображаемое установление общества* / К. Касториадис. – М.: Гнозис, Логос, 2003. – 480 с. – ISBN 5-8163-0047-4.

14. Castoriadis C. *Figures of The Thinkable* / C. Castoriadis. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 303 p. – ISBN 978-0804756181.

15. Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness* / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 280 p. – ISBN 978-0674076068.

16. Гегель Г. В. Ф. *Феноменология духа* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. – 495 с. – ISBN 5-02-008380-1.

17. Кожев А. *Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе* / А. Кожев. – М.: Наука, 2013. – 791 с. – ISBN 978-5-02-026350-5.

18. Батай Ж. *Гегель, смерть и жертвоприношение* / Ж. Батай // *Танатография эроса* / С. Л. Фокин (состав.). – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – 346 с. – ISBN 5-864574-008-7.

19. Baudrillard J. *Death in Bataille* / J. Baudrillard // *Bataille: A Critical Reader* / F. Botting, S. Wilson. (eds.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 236 p. – ISBN 978-0631199571.

20. Bataille G. *Visions of Excess: Selected Writings 1927–1939* / G. Bataille. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. – 304 p. – ISBN 978-0816612802.

21. *The Bataille Reader* / F. Botting and S. Wilson. (ed.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 368 p. – ISBN 978-0631199595.

22. Батай Ж. *Проклятая часть* / Ж. Батай. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с. – ISBN 5-86218-466-X.

23. Bataille G. *The Accursed Share: An Essay on General Economy. Vol. 1. Consumption* / G. Bataille. – New York: Zone, 1988. – 200 p. – ISBN

978-0942299113.

24. Bataille G. *Erotism: Death and Sensuality* / G. Bataille. – San Francisco: City Lights, 1986. – 280 p. – ISBN 978-0872861909.

25. Bataille G. *The Accursed Share. Vol. 2. The History of Eroticism and Sovereignty* / G. Bataille. – New York: Zone Books, 1992. – 460 p. – ISBN 978-0942299205.

26. Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне* / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с. – ISBN 5-7777-0263-5.

27. Traverso E. *La violence nazie: Une généalogie européenne* / E. Traverso. – Paris: La Fabrique Editions, 2002. – 190 p. – ISBN 9782913372146.

28. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с. – ISBN 5-93321-010-2.

29. Wokler R. *Contextualizing Hegel's Phenomenology of the French Revolution and the Terror* / R. Wokler // *Political Theory*. – 1998. – Vol. 26. – P. 33–55.

30. David W. Bates, *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France* / W. David. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. – 280 p. – ISBN 978-0801439452.

31. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy* / K. Marx. – London: Lawrence and Wishart, 1984.

32. Marx K. *Capital* / K. Marx. – Harmondsworth, UK: Penguin, 1986.

33. Маркс К. *Капитал: критика политической экономии* / К. Маркс. – М.: Эксмо, 2011. – 1195 с. – ISBN 978-5-699-23766-1.

34. Louw S. *In the Shadow of the Pharaohs: The Militarization of Labour Debate and Classical Marxist Theory* / S. Louw // *Economy and Society*. – 2000. – Vol. 29. – P. 239–263.

35. Бухарин Н. *Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса* / Бухарин Н. – М.: 1920. – 160 с.

36. Троцкий Л. *Терроризм и коммунизм* / Л. Троцкий. – М.: Директ-Медиа, 2015. – 411 с. – ISBN 978-5-4475-5619-8.

37. Marx K. *The Civil War in France* / K. Marx. – Moscow: Progress, 1972. – 90 p.

38. Lenin V. *Selected Works in 3 Vol. Vol. 2* / V. Lenin. – Moscow: Progress, 1977. – 858 p.

39. Merleau-Ponty M. *Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem* / M. Merleau-Ponty. – Boston: Beacon, 1969. – 240 p. – ISBN 978-0807002773.

40. *Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995* /

S. J. Stern (ed.). – Durham, NC: Duke University Press, 1998. – 552 p. – ISBN 978-0822322177.

41. Hartman S. V. Scenes of Subjection: Terror, Slavery, and Self-Making in Nineteenth Century America / S. V. Hartman. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 296 p. – ISBN 978-0195089844.

42. Friginals M. M. The Sugarmill: The Socioeconomic Complex of Sugar in Cuba, 1760–1860 / M. M. Friginals. – New York: Monthly Review Press, 1976. – 184 p. – ISBN 978-0853453192.

43. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – 158 p.

44. Elias N. The History of Manners. Vol. 1. The Civilizing Process / N. Elias. – New York: Pantheon, 1978. – 558 p. – ISBN 0631192212.

45. Buck-Morss S. Hegel and Haiti / S. Buck-Morss // *Critical Inquiry*. – 2000. – Vol. 26. – P. 821–866.

46. Roger D. Abrahams, Singing the Master: The Emergence of African American Culture in the Plantation South / D. Roger. – New York: Pantheon, 1992. – 384 p. – ISBN 978-0140179194.

47. Hansen T. B., Stepputat F. Sovereign Bodies: Citizens, Migrants and States in the Post-Colonial World / T. B. Hansen, F. Stepputat F. – Princeton, Oxford: Princeton University Press. – 384 p. – ISBN 978-0691121192.

48. Goldberg D. Th. In The Racial State / D. Th. Goldberg. – Malden, MA: Blackwell, 2002. – 336 p. – ISBN 978-0631199212

49. Balibar E. Prolegomena to Sovereignty // *We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship*. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – P. 133–154.

50. Walter E. V. Terror and Resistance: A Study of Political Violence with Case Studies of Some Primitive African Communities / E. V. Walter. – Oxford: Oxford University Press, 1969. – 400 p. – ISBN 978-0196317502.

51. Taussig M. Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing / M. Taussig. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 538 p. – ISBN 978-0226790138.

52. Lennemi / Lefranc S., Sadoun M (eds.) // *Raisons politiques*. – 2002. – Vol. 5. – ISBN 978-2724629354.

53. Headrick D. R. The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century / D. R. Headrick. – New York: Oxford University Press, 1981. – 221 p. – ISBN 978-0195028324.

54. From Shantytown to Township: An Economic Study of African Poverty and Rehousing in a South African City / G. G. Maasdorp, A. S. B. Humphreys (eds.). – Cape Town: Juta, 1975. – 157 p. – ISBN

978-0702105692.

55. Bozzoli B. Why Were the 1980s «Millenarian»? Style, Repertoire, Space and Authority in South Africa's Black Cities / B. Bozzoli // *Journal of Historical Sociology*. – 2000. – Vol. 13. – P. 78–110.

56. *Up Against the Fences: Poverty, Passes and Privileges in South Africa* / H. Giliomee (ed.). – Cape Town: David Philip, 1985. – 365 p. – ISBN 978-0312833800.

57. *Wilson F Migrant Labour in South Africa* / F. Wilson. – Johannesburg: Christian Institute of Southern Africa, 1972. – 314 p.

58. *Fanon F The Wretched of the Earth* / F. Fanon. – New York: Grove Weidenfeld, 1991. – P. 320. – ISBN 978-0802141323.

59. *Schwartz R. M. The Curse of Cain: The Violent Legacy of Monotheism* / R. M. Schwartz. – Chicago: University of Chicago Press, 1997. – 228 p. – ISBN 978-0226741994.

60. *L'Art et la mémoire des camps: Représenter exterminer* / L. Flem (ed.). – Paris: Seuil, 2001. – 144 p. – ISBN 978-2020509152.

61. *Weizman E. The Politics of Verticality* / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp.

62. *Graham St., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobility and the Urban Condition* / St. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 2001. – 512 p. – ISBN 978-0415189644.

63. *Graham St. Clean Territory: Urbicide in the West Bank* / St. Graham – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – August 7. URL: https://www.opendemocracy.net/conflict-politicsverticality/article_241.jsp.

64. *Ignatieff M. Virtual War* / M. Ignatieff. – New York: Metropolitan Books, 2000. – 256 p. – ISBN 978-0312278359.

65. *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations* / M. Walzer. – New York: Basic Books, 1977. – 400p. – ISBN 978-0465037070.

66. *Turning Point: The Gulf War and U. S. Military Strategy* / B. Ederington, M. J. Mazarr, (eds.). – Boulder, CO: Westview, 1994. – 290p. – ISBN 978-0813322926.

67. *Smith Th. W. The New Law of War: Legitimizing Hi-Tech and Infrastructural Violence* / Th. W. Smith // *International Studies Quarterly*. – 2002. – Vol. 46. – P. 367.

68. *Simons G. L., The Scourging of Iraq: Sanctions, Law and Natural Justice, 2 ed.* / G. L. Simons. – New York: St. Martin's, 1998. – 384 p. –

ISBN 978-0312215194.

69. Shehabaldin A., Laughlin Jr. W. M. Economic Sanctions against Iraq: Human and Economic Costs / A. Shehabaldin, Jr. W. M. Laughlin // *International Journal of Human Rights*. – 2000. – Vol. 3. – No. 4. – P. 1–18.

70. Bauman Z. Wars of the Globalization Era / Z. Bauman // *European Journal of Social Theory*. – 2001. – Vol. 4. – No. 1. – P. 11–28.

71. Bauman Z. Penser la guerre aujourd'hui / Z. Bauman // *Cahiers de la Villa Gillet*. – 2002. – No. 16. – P. 75–152.

72. Mbembe A. At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa / A. Mbembe // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12. – P. 259–284.

73. Thomson J. Mercenaries, Pirates, and Sovereigns / J. Thomson. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – P. 219. – ISBN 978-0691086583.

74. Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с. – ISBN 978-5-9757-0526-6.

75. Miller J. C. Way of Death: Merchant Capitalism and the Angolan Slave Trade, 1730–1830 / J. C. Miller. – Madison: University of Wisconsin Press, 1988. – 796 p. – ISBN 13978-0299115647.

76. Angola's War Economy: The Role of Oil and Diamonds / Cilliers and Ch. Dietrich (eds.). – Pretoria: Institute for Security Studies, 2000. – 370 p. – ISBN 13978-0620266451.

77. Rapport du Groupe d'experts sur l'exploitation illégale des ressources naturelles et autres richesses de la République démocratique du Congo // *United Nations Report*. – 2001. – No. 2. – P. 357.

78. Snyder R. Does Lootable Wealth Breed Disorder? States, Regimes, and the Political Economy of Extraction / R. Snyder // *Comparative political studies*. – 2006. – Vol. 39. – No. 8. – P. 943–968.

79. Landau L. B. The Humanitarian Hangover: Transnationalization of Governmental Practice in Tanzania's Refugee-Populated Areas / L. B. Landau // *Refugee Survey Quarterly*. – 2002. – Vol. 21. – No. 1. – P. 260–299.

80. Mbembe A. On the Postcolony / A. Mbembe. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 292 p. – ISBN 978-0520204355.

81. Talley L., Spiegel P. B., Girgis M. An Investigation of Increasing Mortality among Congolese Refugees in Lugufu Camp, Tanzania, May–June 1999 / L. Talley, P. B. Spiegel, M. Girgis // *Journal of Refugee Studies*.

– 2001. – Vol. 14. – No. 4. – P. 412–427.

82. Hodges T. Angola: From Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism / T. Hodges. – Oxford: James Currey, 2001. – 201 p. – ISBN 978-0852558515.

83. Ellis St. The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War / St. Ellis. – London: Hurst, 1999. – 350 p. – ISBN 978-0814722190.

84. Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М.: АСТ, 2015. – 576 с. – ISBN 978-5-17-089748-3.

85. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 461 с. – ISBN 5-88059-021-6.

86. Bataille G. Oeuvres complètes / G. Bataille. – Paris: Gallimard, 1988. – 656 p. – ISBN 978-2070713059.

87. Hass A. Drinking the Sea at Gaza: Days and Nights in a Land under Siege / A. Hass. – New York: Henry Holt, 1996. – 400p. – ISBN 978-0805057409.

Necropolitics

Achille Mbembe — Research Professor of History and Politics, University of the Witwatersrand; Johannesburg, Republic of South Africa; e-mail: Achille.Mbembe@wits.ac.za

Transl.: Alexey Antipov — Candidate of Philosophy, Research Associate, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: nelson02@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7048-3373

Editor: Mihail ZHURAVLEV — PhD student of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Scientific editor (consultant): Alexey Valeryevich Kylasov — Doctor of Cultural Studies, Professor, Plekhanov Russian Economic University; Moscow, Russia; e-mail: kylasov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5350-6214

Keywords: biopower, necropolitics, war, sovereignty

In this essay Cameroonian researcher Achille Mbembe draws on Michel Foucault's concept of sovereign power, Giorgio Agamben's discourse on homo sacer, and Frantz Fanon's decolonial approach to situate the notion of biopower in the space of postcolony and demonstrates its insufficiency for understanding contemporary forms of subjugating life to the power of death. Mbembe introduces the notion of necropolitics, or necropower, to explain the various ways in which weapons are used in the modern world to create «worlds of death». He argues that the colony in general and slave plantations in particular gave rise to those necropolitical practices that remain relevant today. Mbembe describes the postcolonial locus as a place where diffuse and not always exclusively state power inscribes an 'economy of death' into relations of governance and production, and argues that whereas in the colonial era violence was solely a means of achieving profit, in the space of postcolony it becomes an end in itself.

References

1. Jackson R. Introduction: Sovereignty at the Millennium / R. Jackson // *Political Studies*. – 1999. – Vol. 47 – No 3. – P. 423–430.
2. Foucault M. Nuzhno zashchishchat' obshestvo: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2005. – 312 p. – ISBN 5-02-026848-8. (In Russian)
3. Agamben G. Homo sacer. Suvernaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo «Evropa», 2011. – 256 p. – ISBN 978-5-9739-0202-5. (In Russian)
4. Schmitt C. Diktatura: ot istochikov sovremennoy idei suvereniteta do proletarskoy klassovoy bor'by [Dictatorship: From the Origins of the Modern Concept of Sovereignty to Proletarian Class Struggle] / C. Schmitt. – St. Petersburg: Nauka, 2005. – 326 p. – ISBN 5-02-026895-X. (In Russian)
5. Schmitt C. Teoriya partizana: Promezhutochnoe zamechanie po povodu ponyatiya politicheskogo [The Theory of the Partisan: A Critical Note on the Concept of the Political] / C. Schmitt. – Moscow: Praxis, 2007. – 301 p. – ISBN 978-5-901574-66-9. (In Russian)
6. Arendt H. Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism] / H. Arendt. – Moscow: TsentrKom, 1996. – 672 p. – ISBN 5-87129-006-X. (In Russian)
7. Agamben G. Sredstva bez tseley: O nekotorykh aspektakh zhizni i politiki [Means Without End: Notes on Politics] / G. Agamben. – Moscow: Ad Marginem, 2000. – 204 p. – ISBN 5-93466-024-3. (In Russian)
8. Probing the Limits of Representation: Nazism and the «Final Solution» / S. Friedlander (ed.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 414 p. – ISBN 978-0674707665.
9. Ogilvie B. Comparer l'incomparable / B. Ogilvie // *Multitudes*. – 2001. – Vol. 7. – P. 130–166.
10. Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / J. Bohman, W. Rehg (eds.). – Cambridge, MA: mit Press, 1997. – 477 p. – ISBN 978-0262522410.
11. Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge, MA: mit Press, 1996. – 676 p. – ISBN 978-0262581622.
12. What Is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions / J. Schmidt. (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1996. – 563 p. – ISBN 978-0520202269.

13. Castoriadis C. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva [The Imaginary Institution of Society] / C. Castoriadis. – Moscow: Gnosis, Logos, 2003. – 480 p. – ISBN 5-8163-0047-4. (In Russian)

14. Castoriadis C. Figures of The Thinkable / C. Castoriadis. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 303 p. – ISBN 978-0804756181.

15. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness / P. Gilroy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 280 p. – ISBN 978-0674076068.

16. Hegel G. W. F. Fenomenologija dukha [Phenomenology of Spirit] / G. W. F. Hegel. – Moscow: Nauka, 2000. – 495 p. – ISBN 5-02-008380-1. (In Russian)

17. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelya. Lektsii po Fenomenologii dukha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshei prakticheskoi shkole [Introduction to the Reading of Hegel. Lectures on the Phenomenology of Spirit, Delivered from 1933 to 1939 at the Higher Practical School] / A. Kozhev. – Moscow: Nauka, 2013. – 791 p. – ISBN 978-5-02-026350-5. (In Russian)

18. Bataille G. Gegel', smert' i zhertvoprinoshenie [Hegel, Death, and Sacrifice] / G. Bataille // Tanatografija Erosa [Thanatology of Eros] / S. L. Fokin (ed.). – Saint Petersburg: Mifril, 1994. – 346 p. – ISBN 5-864574-008-7. (In Russian)

19. Baudrillard J. Death in Bataille / J. Baudrillard // Bataille: A Critical Reader / F. Botting, S. Wilson. (eds.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 236 p. – ISBN 978-0631199571.

20. Bataille G. Visions of Excess: Selected Writings 1927–1939 / G. Bataille. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. – 304 p. – ISBN 978-0816612802.

21. The Bataille Reader / F. Botting and S. Wilson. (ed.). – Oxford: Blackwell, 1998. – 368 p. – ISBN-978-0631199595.

22. Bataille G. Prokljataja chast' [The Accursed Share] / G. Bataille. – Moscow: Ladomir, 2006. – 742 p. – ISBN 5-86218-466-X. (In Russian)

23. Bataille G. The Accursed Share: An Essay on General Economy. Vol. 1. Consumption / G. Bataille. – New York: Zone, 1988. – 200 p. – ISBN 978-0942299113.

24. Bataille G. Erotism: Death and Sensuality / G. Bataille. – San Francisco: City Lights, 1986. – 280 p. – ISBN 978-0872861909.

25. Bataille G. The Accursed Share. Vol. 2. The History of Eroticism and Sovereignty / G. Bataille. – New York: Zone Books, 1992. – 460 p. – ISBN 978-0942299205.

26. Habermas J. Filosofskij diskurs o moderne [The Philosophical Discourse on Modernity] / J. Habermas. – Moscow: Ves' Mir, 2003. – 416 p. – ISBN 5-7777-0263-5. (In Russian)
27. Traverso E. La violence nazie: Une généalogie européenne / E. Traverso. – Paris: La Fabrique Editions, 2002. – 190 p. – ISBN 9782913372146.
28. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison] / M. Foucault. – Moscow: Ad Marginem, 1999. – 480 p. – ISBN 5-93321-010-2. (In Russian)
29. Wokler R. Contextualizing Hegel's Phenomenology of the French Revolution and the Terror / R. Wokler // Political Theory. – 1998. – Vol. 26. – P. 33–55.
30. David W. Bates, Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France / W. David. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. – 280 p. – ISBN 978-0801439452.
31. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy / K. Marx. – London: Lawrence and Wishart, 1984.
32. Marx K. Capital / K. Marx. – Harmondsworth, UK: Penguin, 1986.
33. Marx K. Kapital: kritika politicheskoj jekonomii [Capital: Critique of Political Economy] / K. Marx. – Moscow: Eksmo, 2011. – 1195 p. – ISBN 978-5-699-23766-1. (In Russian)
34. Louw S. In the Shadow of the Pharaohs: The Militarization of Labour Debate and Classical Marxist Theory / S. Louw // Economy and Society. – 2000. – Vol. 29. – P. 239–263.
35. Bukharyin N. Ekonomika perekhodnogo perioda. Ch. 1. Obshchaja teorija transformatsionnogo processa [Economics of the Transitional Period. Vol. 1. General Theory of the Transformation Process] / N. Bukharyin. – Moscow: 1920. – 160 p. (In Russian)
36. Trotsky L. Terrorizm i kommunizm [Terrorism and Communism] / L. Trotsky. – Moscow: Direkt-Media, 2015. – 411 p. – ISBN 978-5-4475-5619-8. (In Russian)
37. Marx K. The Civil War in France / K. Marx. – Moscow: Progress, 1972. – 90 p.
38. Lenin V. Selected Works in 3 Vol. Vol. 2 / V. Lenin. – Moscow: Progress, 1977. – 858 p.
39. Merleau-Ponty M. Humanism and Terror: An Essay on the Communist Problem / M. Merleau-Ponty. – Boston: Beacon, 1969. – 240 p. – ISBN 978-0807002773.
40. Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995 /

S. J. Stern (ed.). – Durham, NC: Duke University Press, 1998. – 552 p. – ISBN 978-0822322177.

41. Hartman S. V. Scenes of Subjection: Terror, Slavery, and Self-Making in Nineteenth Century America / S. V. Hartman. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 296 p. – ISBN 978-0195089844.

42. Friginals M. M. The Sugarmill: The Socioeconomic Complex of Sugar in Cuba, 1760–1860 / M. M. Friginals. – New York: Monthly Review Press, 1976. – 184 p. – ISBN 978-0853453192.

43. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, American Slave / F. Douglass. – Boston: Pub. at the Anti-slavery office, 1847. – 158 p.

44. Elias N. The History of Manners. Vol. 1. The Civilizing Process / N. Elias. – New York: Pantheon, 1978. – 558 p. – ISBN 0631192212.

45. Buck-Morss S. Hegel and Haiti / S. Buck-Morss // *Critical Inquiry*. – 2000. – Vol. 26. – P. 821–866.

46. Roger D. Abrahams, Singing the Master: The Emergence of African American Culture in the Plantation South / D. Roger. – New York: Pantheon, 1992. – 384 p. – ISBN 978-0140179194.

47. Hansen T. B., Stepputat F. Sovereign Bodies: Citizens, Migrants and States in the Post-Colonial World / T. B. Hansen, F. Stepputat F. – Princeton, Oxford: Princeton University Press. – 384 p. – ISBN 978-0691121192.

48. Goldberg D. Th. In The Racial State / D. Th. Goldberg. – Malden, MA: Blackwell, 2002. – 336 p. – ISBN 978-0631199212

49. Balibar E. Prolegomena to Sovereignty // *We, the People of Europe? Reflections on Transnational Citizenship*. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – P. 133–154.

50. Walter E. V. Terror and Resistance: A Study of Political Violence with Case Studies of Some Primitive African Communities / E. V. Walter. – Oxford: Oxford University Press, 1969. – 400 p. – ISBN 978-0196317502.

51. Taussig M. Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing / M. Taussig. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 538 p. – ISBN 978-0226790138.

52. L'ennemi / Lefranc S., Sadoun M (eds.) // *Raisons politiques*. – 2002. – Vol. 5. – ISBN 978-2724629354.

53. Headrick D. R. The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century / D. R. Headrick. – New York: Oxford University Press, 1981. – 221 p. – ISBN 978-0195028324.

54. From Shantytown to Township: An Economic Study of African Poverty and Rehousing in a South African City / G. G. Maasdorp, A. S. B. Humphreys (eds.). – Cape Town: Juta, 1975. – 157 p. – ISBN 978-0702105692.

55. Bozzoli B. Why Were the 1980s «Millenarian»? Style, Repertoire, Space and Authority in South Africa's Black Cities / B. Bozzoli // *Journal of Historical Sociology*. – 2000. – Vol. 13. – P. 78–110.

56. Up Against the Fences: Poverty, Passes and Privileges in South Africa / H. Giliomee (ed.). – Cape Town: David Philip, 1985. – 365 p. – ISBN 978-0312833800.

57. Wilson F. Migrant Labour in South Africa / F. Wilson. – Johannesburg: Christian Institute of Southern Africa, 1972. – 314 p.

58. Fanon F. The Wretched of the Earth / F. Fanon. – New York: Grove Weidenfeld, 1991. – P. 320. – ISBN 978-0802141323.

59. Schwartz R. M. The Curse of Cain: The Violent Legacy of Monotheism / R. M. Schwartz. – Chicago: University of Chicago Press, 1997. – 228 p. – ISBN 978-0226741994.

60. L'Art et la mémoire des camps: Représenter exterminer / L. Flem (ed.). – Paris: Seuil, 2001. – 144 p. – ISBN 978-2020509152.

61. Weizman E. The Politics of Verticality / E. Weizman. – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – April 25. URL: https://www.opendemocracy.net/ecology-politicsverticality/article_801.jsp.

62. Graham St., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobility and the Urban Condition / St. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 2001. – 512 p. – ISBN 978-0415189644.

63. Graham St. Clean Territory: Urbicide in the West Bank / St. Graham – Text: digital // open-Democracy: [website]. – 2002. – August 7. URL: https://www.opendemocracy.net/conflict-politicsverticality/article_241.jsp.

64. Ignatieff M. Virtual War / M. Ignatieff. – New York: Metropolitan Books, 2000. – 256 p. – ISBN 978-0312278359.

65. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations / M. Walzer. – New York: Basic Books, 1977. – 400 p. – ISBN 978-0465037070.

66. Turning Point: The Gulf War and U. S. Military Strategy / B. Ederington, M. J. Mazarr, (eds.). – Boulder, CO: Westview, 1994. – 290p. – ISBN 978-0813322926.

67. Smith Th. W. The New Law of War: Legitimizing Hi-Tech and Infrastructural Violence / Th. W. Smith // *International Studies Quarterly*. – 2002. – Vol. 46. – P. 367.

68. Simons G. L., The Scourging of Iraq: Sanctions, Law and Natural Justice, 2 ed. / G. L. Simons. – New York: St. Martin's, 1998. – 384 p. –

ISBN 978-0312215194.

69. Shehabaldin A., Laughlin Jr. W. M. Economic Sanctions against Iraq: Human and Economic Costs / A. Shehabaldin, Jr. W. M. Laughlin // *International Journal of Human Rights*. – 2000. – Vol. 3. – No. 4. – P. 1–18.

70. Bauman Z. Wars of the Globalization Era / Z. Bauman // *European Journal of Social Theory*. – 2001. – Vol. 4. – No. 1. – P. 11–28.

71. Bauman Z. Penser la guerre aujourd'hui / Z. Bauman // *Cahiers de la Villa Gillet*. – 2002. – No. 16. – P. 75–152.

72. Mbembe A. At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa / A. Mbembe // *Public Culture*. – 2000. – Vol. 12. – P. 259–284.

73. Thomson J. Mercenaries, Pirates, and Sovereigns / J. Thomson. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – P. 219. – ISBN 978-0691086583.

74. Deleuze G., Guattari F. Tsytyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia] / G. Deleuze, F. Guattari. – Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel, 2010. – 895 p. – ISBN 978-5-9757-0526-6. (In Russian)

75. Miller J. C. Way of Death: Merchant Capitalism and the Angolan Slave Trade, 1730–1830 / J. C. Miller. – Madison: University of Wisconsin Press, 1988. – 796 p. – ISBN 13978-0299115647.

76. Angola's War Economy: The Role of Oil and Diamonds / Cilliers and Ch. Dietrich (eds.). – Pretoria: Institute for Security Studies, 2000. – 370 p. – ISBN 13978-0620266451.

77. Rapport du Groupe d'experts sur l'exploitation illégale des ressources naturelles et autres richesses de la République démocratique du Congo // *United Nations Report*. – 2001. – No. 2. – P. 357.

78. Snyder R. Does Lootable Wealth Breed Disorder? States, Regimes, and the Political Economy of Extraction / R. Snyder // *Comparative political studies*. – 2006. – Vol. 39. – No. 8. – P. 943–968.

79. Landau L. B. The Humanitarian Hangover: Transnationalization of Governmental Practice in Tanzania's Refugee-Populated Areas / L. B. Landau // *Refugee Survey Quarterly*. – 2002. – Vol. 21. – No. 1. – P. 260–299.

80. Mbembe A. On the Postcolony / A. Mbembe. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 292 p. – ISBN 978-0520204355.

81. Talley L., Spiegel P. B., Girgis M. An Investigation of Increasing Mortality among Congolese Refugees in Lugufu Camp, Tanzania, May–June 1999 / L. Talley, P. B. Spiegel, M. Girgis // *Journal of Refugee Studies*.

– 2001. – Vol. 14. – No. 4. – P. 412–427.

82. Hodges T. Angola: From Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism / T. Hodges. – Oxford: James Currey, 2001. – 201 p. – ISBN 978-0852558515.

83. Ellis St. The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War / St. Ellis. – London: Hurst, 1999. – 350 p. – ISBN 978-0814722190.

84. Canetti E. Massa i vlast' [Crowds and Power] / E. Canetti. – Moscow: AST, 2015. – 576 p. – ISBN 978-5-17-089748-3. (In Russian)

85. Heidegger M. Bytie i vremya [Being and Time] / M. Heidegger. – Moscow: Ad Marginem, 1997. – 461 p. – ISBN 5-88059-021-6. (In Russian)

86. Bataille G. Oeuvres complètes / G. Bataille. – Paris: Gallimard, 1988. – 656 p. – ISBN 978-2070713059.

87. Hass A. Drinking the Sea at Gaza: Days and Nights in a Land under Siege / A. Hass. – New York: Henry Holt, 1996. – 400 p. – ISBN 978-0805057409.